

А.В. Квакин, профессор Кафедры истории Российского государства ФГУ

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

План и программа спецкурса для студентов МГУ

Пояснительная записка

Говоря о проблеме познавательных установок, современный философ Ю.А. Шрейдер в 1989 г. в статье, посвященной отношению между сознанием и идеологией, предложил читателю задуматься о дилемме: *«чему отдать приоритет – знанию, программирующему личность, или личности (как онтологической реальности), свободно соотносящей знание с жизнью»*¹. Если знание «программирует» Личность, то оно становится гарантией при решении всех проблем собственного существования; полнота знания как бы сама по себе уже обеспечивает правильность личного выбора, а свобода находит себе место лишь в несовершенстве разума и временной неполноте знания, как временная неопределенность поведения. По словам другого современного философа М.К. Мамардашвили, *«Понимание есть в принципе нахождение меры между мной и тем, что я понимаю, - соизмеримость»*². И здесь образование в вузах выполняет необходимую прогрессивную функцию, проводя в жизнь новые ценности в области чистого разума и управления во всех сферах общественной жизни. Долг вузовской интеллигенции, и особенно педагогов-обществоведов, состоит в том, чтобы предостеречь людей от несбыточных иллюзий и неоправданной затраты усилий, направить эти усилия на достижение реально возможного в складывающейся на планете ситуации.

---

¹ Шрейдер Ю.А. Наука - источник знаний и суеверий // *Новый мир*. 1969. № 10. С. 207 – 226.

² Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996. с. 14.

Изучая в 1970-е годы в Вычислительном центре Академии наук СССР методом компьютерного моделирования биосферу как единую целостную систему и её возможности изменения под влиянием деятельности человека, академик Н.Н. Моисеев пришёл к выводу, что при всех огромных трудностях на этом пути, наступление эпохи ноосферы принципиально возможно. И главнейший фактор перехода к новой глобальной модели он видел в просвещении, развитии образования, так как *«только по-настоящему интеллигентное общество окажется способным создать цивилизацию, необходимую для дальнейшего развития человечества»*³. Обращаясь к той роли, которую призвана сыграть Россия при переходе к новому типу бытия, а также к перспективам её развития в целом, академик Н.Н. Моисеев оценивал всё это с *«ограниченно-пессимистических позиций»*. Прежде всего, он твердо отстаивал тезис о том, что Россия – это самобытная цивилизация со своей структурой ценностей, культурными и социальными традициями, особенностями духовного мира и, следовательно, собственного исторического пути. *«Можно согласиться с Н.Я. Данилевским и А. Тойнби, - писал он в работе 1995 года «Цивилизация на переломе: Пути России», - которые считали Россию особой цивилизацией с собственной логикой развития. Попытки игнорировать эти особенности всегда имели трагические последствия»*⁴. И это было особенно важно в 1990-е годы, когда сделался чуть ли не официальным призыв войти в западную цивилизацию на каких угодно ролях, отринув и даже осмеяв собственное культурно-историческое достояние, добровольно вычеркнув себя из числа великих цивилизаций. Академик Н.Н. Моисеев же, напротив, призывал *«следовать духовному настрою наших предков»*, бережно сохранять наиболее консервативные особенности российской цивилизации, прежде всего, тот характер взаимоотношений личности и общества, который определяется как

---

³ Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. с. 110.

⁴ Моисеев Н.Н. Цивилизация на переломе: Пути России. М., 1995. с. 127.

соборность, а также складывавшееся веками миропонимание и присущее русским стремление к самоидентификации⁵.

Специфика исторического пути России уже давно является предметом ожесточенных споров. Они часто далеки от диалога знания и незнания, дискуссий ученых между собой. С самого начала проблема самобытности приняла характер острейших столкновений по поводу путей России, по поводу ответа на вопрос, что это за страна среди других стран и народов. Поэтому споры приобрели острейший политический характер. При обсуждении проблемы самобытности слишком часто господствуют эмоции, мифология берет верх над научным подходом. Даже сам выбор проблемы самобытности для исследователя чреват тем, что его «запишут» либо в число сторонников «демократов», исходящих из отсутствия, малой значимости самобытности страны, либо отнесут к ее противникам, которые противостоят этим проектам, ссылаясь на «особую статью» России.

Тем не менее, наука собрала для решения проблемы самобытности исторического пути России значительный материал, хотя масштабы ее изучения и определенная узость самой постановки проблемы не идет ни в какое сравнение с ее значением в жизни общества. Исключительно большое значение проблемы самобытности в культуре России объясняется тем, что ее возникновение было формой попытки ответить на вопрос о специфике России, русской культуры, народа среди других народов и культур и одновременно попыткой самоопределения места и роли интеллигенции в обществе, попыткой погружения интеллигенции в стихию народного духа. Славянофил К. Аксаков писал: *«народности [...] самобытного воззрения и недостает нашей умственной деятельности»*⁶. Эта идея включала *«сознание нравственной и умственной независимости...»*, надежду на то, что она *«освободит и воздвигнет наше*

---

⁵ Моисеев Н.Н. Размышления о современной политологии. М., 1999, с. 76.

⁶ Аксаков К.А. О русском воззрении // Русская идея. М., 1992, с. 111.

самостоятельное народное русское воззрение, и тогда только начнется самобытный, наш общечеловеческий подвиг, подвиг, невозможный без силы народности»⁷. Это был шаг на пути углубления диалога между духовной элитой и народом, социокультурными группами. И действительно, славянофилы превратили народную культуру в неотъемлемый фактор движения мысли духовной элиты, интеллигенции, власти.

Тем самым открывался путь для дискуссий, для столкновений по поводу содержания этой самобытности. Конкретное понимание народной культуры получило у интеллигенции различные интерпретации, от преклонения перед ее реальным или мнимым содержанием до попыток изобразить ее в лице фантастических гибридов, сочетающих стремление к всечеловечности, к вселенскому духу с проповедью изуверского национализма, отрицанием за Западом права называться христианским миром⁸ и т.д. Эклектические представления о самобытности служили основой для различного рода столь же мало обоснованных интерпретаций истории России, например, для представлений о том, что Россия, начиная с реформ Петра I, потеряла свою самобытность, что она шла с тех пор не по настоящему пути и т.д. Не касаясь содержательного анализа такого рода представлений, следует лишь обратить внимание на то, что они характеризуются слабым интересом к своим собственным научным основаниям и повышенными личными пристрастиями. Противоборствующие стороны всегда опирались на мифологические представления о самобытности, на общие или противоположные иллюзии. Сегодня в условиях жестокого кризиса перед лицом неспособности овладеть ситуацией наблюдаются массовые обращения к проблеме самобытности разного характера: *«это возможно только у нас», «неудачи реформ объясняются тем, что не учитывается своеобразие России»,*

---

⁷ Там же, с. 116.

⁸ Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея... с.301.

говорят также о «*пресловутой самобытности*» и т. д. Наука практически не включается своим арсеналом в обсуждение этой проблемы, оставляя ее решение расхожим мифам. В этой ситуации в основу проектирования реформ неизбежно кладется иллюзорное, несбалансированное представление о мотивах социально значимых поступков людей, о механизмах изменений в обществе.

Назрел переход от мифологического этапа обсуждения, исторически связанного с представлением о «самобытности», к научному исследованию этой проблемы. При этом целесообразно, как предлагает известный современный социолог А.С. Ахиезер, перейти к понятию специфики. Оно встроено в современный научный язык и вполне отражает суть проблемы. Гигантская страна осмысляла свою специфику, сравнивая себя с целыми континентами. Очевидно, нужен поиск меры абстракции этого подхода, уровня обобщения, адекватного поставленной задаче. Поиск специфики народа и общества должен вестись на том уровне, где в истории возникают существенные в масштабе мирового исторического процесса различия между странами и народами, между масштабными периодами самой истории. Для этого нужно в мировой истории выявить максимально обобщенные, максимально значимые качественные сдвиги, необходимо сделать шаг в конкретизации абстрактного понимания мировой истории, то есть перейти на уровень цивилизаций, к изменениям, достигающим цивилизационного масштаба. Этот подход требует особой типологии цивилизаций, то есть выявления максимально обобщенных фаз, элементов, сторон мирового исторического процесса. Цивилизации есть особые проявления всемирно-исторического процесса, единого и одновременно расчлененного человечества, истории, постоянно порождающей различия в качестве своих этапов и форм. Без такой конкретизации истории само представление о ней, о ее единстве теряет реальное содержание процесса, который накапливает историческое

разнообразии, самую возможность формирования специфики стран и народов⁹.

Поиск самобытности, специфики России следует начинать с выявления ее цивилизационной принадлежности. Однако именно здесь исследователя подстерегает главная трудность. Анализ истории России позволяет сделать вывод, что в ее основе постепенно вырисовывается движение между традиционной (тихоокеанской) и либеральной (западной) цивилизациями. В литературе эта проблема долгое время представляла в форме поиска места России между Востоком и Западом¹⁰. Страна, особенно начиная с попыток встать на путь модернизации, преодолевала традиционализм, но не смогла стать страной либерального типа. Иначе говоря, Россия «застряла» между двумя основными цивилизациями. Граница между цивилизациями проходит через живое тело народа, создавая в нем состояние раскола. Специфика России связана с не самим фактом исторического перехода от одной цивилизации к другой, но с особым характером этого перехода, который в силу существования раскола может рассматриваться как основа особого типа неорганической цивилизации, сформировавшейся как результат приспособления к собственному расколу. Раскол есть, прежде всего, разрыв коммуникаций внутри общества, разрыв между обществом и государством, между духовной и властвующей элитой, между народом и властью, народом и интеллигенцией, внутри народа, то есть между теми, кто стремится предотвратить малейшие намеки на нарушение уравнительности, и теми, кто пытается выйти из архаичного сообщества, например, общины. Раскол возникает между сознанием и самосознанием общества. Он проникает в каждую личность, стимулируя двойственность, диллпастию мышления, неустойчивость принимаемых решений. Яркое проявление раскола

---

⁹ Ахиезер А.С., Матвеева С.Я. Дисинхронность и синхронность цивилизаций: теория методология исследований (на примере России) // *Цивилизации*, вып.3, М., 1993.

¹⁰ Ахиезер А.С. Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку // *Атмода* (Рига), 1990, 29 апреля.

заключается в том, что смыслы, пересекающие его границу, коренным образом меняют свое содержание. Смысл может в одночасье измениться на противоположный. В обществе складываются две системы смысла, не находящиеся в состоянии взаимопроникновения, но в отношении взаиморазрушения. Раскол России уже давно вызывает к себе внимание, прежде всего в русской философии, хотя и не стал предметом систематического научного исследования. Раскол - фокус всей жизнедеятельности, предмет борьбы и одновременно элемент среды, к которому общество приспосабливается¹¹.

Так как раскол пронизывает всё общество - его проявления и следствия многочисленны. Вся их совокупность в России представляет собой уникальное явление в мировой истории, что и позволяет говорить о специфике России, выходящей по своей значимости, что особенно важно, на цивилизационный уровень. Эта уникальность требует логически последовательного рассмотрения.

Убежденный, несмотря на сегодняшнее унижение России, в том, что наша страна уже в недалеком будущем восстановит свою геополитическую роль, академик Н.Н. Моисеев видел её в том, чтобы, не разрушая своих фундаментальных основ, стать своего рода мостом между западной (либеральной) и тихоокеанской (традиционной) цивилизациями¹². Что же касается **перехода российского общества к новой цивилизации адаптационного типа** (если *«сценарий общего развития человечества повернется совсем иначе»*), то, как считал Н.Н. Моисеев, здесь в силу целого ряда факторов, мы можем *«оказаться в более благоприятных условиях, чем многие западные страны»*¹³. Опора в течение истории главным образом на собственные естественные ресурсы, упрощенные потребности, умение довольствоваться своим и немногим, ещё достаточно прочные духовные и культурные традиции – в силу всего

---

¹¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта, М., 1991, тт. 1 - 3.

¹² Моисеев Н.Н. Размышления о современной политологии. М., 1999, с. 20.

¹³ Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. с. 145.

этого Россия вполне может оказаться в авангарде общего перехода к новому типу бытия и русскому народу «еще может представится известный шанс сыграть активную роль»¹⁴.

Специфику каждого общества, как и российского, следует искать, прежде всего, в культуре. Она всегда организована как дуальная оппозиция, как все более сложная система оппозиций: добро - зло, правда - кривда, мы - они и так далее до бесконечности. Наиболее общим, необходимым, хотя и недостаточным условием раскола является господство в обществе инверсионного типа мышления, инверсионного типа принятия решений, осмысления. Суть инверсии можно понять через анализ дуальной оппозиции: инверсия - медиация. Инверсия - оперирование готовыми результатами мышления, решение проблем на основе накопленного богатства культуры, на основе ранее сформировавшихся смыслов. Инверсия выступает как метод поиска смысла того или иного явления посредством логически моментального перехода мысли от одного полюса оппозиции к противоположному. Этот простой метод мышления удовлетворительно функционирует в относительно простых условиях, где господствует бесконечное повторение ситуаций. Медиация в противоположность инверсии является актом осмысления, принятия решений, где смысл формируется через взаимопроникновение явлений, полюсов дуальной оппозиции, через выработку нового результата, отличного от ранее накопленного содержания культуры. Этот результат - новый элемент культуры, который в конечном итоге может формироваться в новую дуальную оппозицию. Этот творческий акт является ответом на значимое изменение, усложнение условий жизни. Он - попытка усовершенствования культуры, предпосылка разрешения принципиально более сложных проблем, вынесения более сложных решений. Через медиацию формируется срединная культура, то есть новое содержание культуры, наработанные

---

¹⁴ Моисеев Н.Н. Размышления о современной политологии. М., 1999, с. 78.

смыслы. Медиация не сводится к поиску подходящего для данной ситуации элемента из накопленного богатства культуры. Вся культура есть результат бесконечного процесса медиации. Элементы порождаемой срединной культуры организуются в оппозиции, создавая предпосылки для нового витка медиации. По словам М.К. Мамардашвили, «... сначала – только из собственного опыта, до и независимо от каких-либо уже существующих слов, готовых задачек и указывающих стрелок мысли – в нас должны естественным и невербальным образом родиться определённого рода вопросы и состояния. Должно родиться движение души, которое есть поиск человеком её же – по конкретнейшему и никому заранее не известному поводу. И нужно вслушаться в её голос и постараться самому (а не понаслышке) различить заданные им вопросы. Тогда это и есть свои вопросы, свои искания, свои цели. “Зрелый час” – это ангел каждой минуты и дневной ясности»¹⁵.

История - это, прежде всего драма человека, пытающегося утвердить себя в мире, опираясь на прошлый опыт и одновременно преодолевая этот опыт, критикуя его идеально и материально, теоретически и практически. В этом процессе есть своя устойчивость, своя инерция, имеющая, впрочем, свою меру. В каждой культуре есть своя мера исторической инерции, мера приемлемых изменений. Знания о подобных явлениях делают явными некоторые скрытые механизмы истории в сфере способности общества, достаточно большой его части к изменениям, способности критически относиться к исторически сложившемуся опыту и одновременно накапливать все более эффективный опыт. Этот процесс стимулируется потребностью создавать программы для более эффективной массовой воспроизводственной деятельности. Так как в данном случае имеется в виду деятельность, взятая в масштабе цивилизации, то, очевидно, концепции, пытающиеся выявить специфику исторического пути общества, даже если сегодня с

---

¹⁵ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996. с. 10 - 11.

ними невозможно согласиться, тем не менее, каким-то образом были связаны с программами воспроизводственной деятельности на соответствующих исторических этапах. Например, стремление сводить историю России к истории самодержавия можно рассматривать как аргумент в пользу того, что в обществе существовали силы, которые жили, действовали, принимали решения на основе именно такого или близкого принципа. Это не исключало, а предполагало существование иных принципов, за которыми следовали другие группы, или те же группы, но в другое время. Эти принципы могут иметь массовое влияние и носить глубокий нравственный характер. Их значение с учетом массовости и способности активизации исключительно велико именно как несущих в себе определенные программы производственной деятельности, программы принятия решений, программы повышения эффективности этих программ, принципы формирования смысла.

Кризисная ситуация в современной России требует таких теорий, которые, опираясь на самобытность страны, стремились бы выдвинуть в центр внимания механизм совершенствования программ воспроизводства, способность общественного субъекта принимать жизненно важные решения. Коренной вопрос заключается в том, в каком соотношении эти жизненно важные для общества явления находятся с исторически сложившейся спецификой общества. В России данный вопрос приобретает вполне конкретные формы, то есть, необходима максимальная ясность о степени укорененности в культуре решений, смыслов, нарушающих меру в пользу инверсии. Значимость этого фактора приобрела цивилизационный масштаб. Тем самым он оказывается первостепенным не только для объяснения прошлого и настоящего, но и для прогнозирования будущего.

Практика показывает, что общественное сознание справляется со своими задачами более или менее успешно, когда ему удастся разрешить проблему объединения в условиях общественного хаоса однотипных

локальных культур в одну общую культуру. Для русских, как отмечают многие исследователи, характерно существование групп, рассчитанных на длительное, спокойное и размеренное существование, где люди не притесняют друг друга, а движутся по своим, хорошо рассчитанным и соотнесенным друг с другом орбитам, пересекаясь в четко определенных точках. Когда такой «космос» в группе налажен, и каждый человек знает его законы, тогда события, реакции и установки других становятся вполне предвидимы и ожидаемы, что дает каждому ощущение свободы. В. Вейде очень точно сумел передать свое видение этой свободы: *«В России, — пишет он, — по крайней мере, в старой России, было нечто, чего может быть уже нигде на свете нет: ощущение очень большой свободы, не политической, конечно, не охраняемой законом, государством, а совсем иной, происходящей от тайной уверенности в том, что каждый твой поступок твои ближние будут судить "по человечеству", исходя из общего ощущения тебя как человека, а не из соответствия твоего поступка закону, приличию, категорическому императиву, тому или иному формально установленному правилу»*¹⁶. Может быть, Вейдле прав, тяготение к такой свободе осталось в нас, в наших архетипах. Мы плохо переносим отношения, в которых большое место занимает конкретность общения, как, например, у большинства современных американцев. И напротив, хорошо чувствуем себя в такой группе, которая «лезет» в наши личные дела, копается в наших взглядах и мотивах, пытается формировать нашу личность. Мы позволяем ей это, мы даем ей такое право. За какие же такие преимущества? Хотя бы даже за один простой факт уверенности в том, что, если мы запутаемся в каких-то несчастливо сложившихся обстоятельствах, если всё будет против нас, то моя группа, отвергнув очевидные факты и вещественные доказательства, не даст нам пропасть. А толерантность указанной группы проявляется в том, что в ней человек может быть самим собой, таким, каков он есть: играть роль и показывать

---

¹⁶ Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 127.

себя кем-то, заранее придуманным, здесь просто невозможно, а, следовательно, остается один вариант — чтобы тебя приняли в том виде, в каком ты сложился на данный момент, — со всеми недостатками, огрехами, слабостями. И если уж примут, то всё остальное определено. Можно вести себя естественно, говорить то, что думаешь, совершать ошибки и исправлять по ходу дела, поучать других и время от времени самому получать нагоняи. Это означает, что каждый человек в такой группе занимает совершенно своеобразное, индивидуальное, специально для него созданное «место», или «положение», тщательно учитывающее особенности его характера, структуру его способностей и все его установки. Но из этого, в свою очередь, должно следовать, что и вся система отношений в группе также индивидуальна, неповторима, поскольку она должна интегрировать все эти особые, для каждого данного человека *«по заказу изготовленные положения»*. Это такая группа, которую невозможно стандартизировать, поставить на конвейер и штамповать в поточном порядке. Она изготавливается каждый раз «вручную», и изготовление ее — это сложная задача, требующая умений и навыков, которые получает человек в процессе воспитания в качестве глобальных установок. Американский социолог Чарльз Х. Кули в работе «Человеческая природа и социальный порядок» сформулировал такое соотношение: *«Для человека хорошо, если он будет открыт настолько, и будет брать из жизни столько, сколько он способен организовать в консистентное целое, а что сверх того, то уже нежелательно... Симпатия должна быть избирательной»*¹⁷. Если применить этот принцип к общению и к происходящему в этом общении обмену идеями и формированию личности, то, по-видимому, наш соотечественник явно предпочитает обилию и разнообразию впечатлений-элементов законченные системы. Поэтому он склонен брать много от немногих, в первую очередь от представителей интеллигенции. В идеале наше

---

¹⁷ Cooley C. The two major works: Human nature and social order. Glencoe, 1956. P. 147.

общение тяготеет к модели, которая некогда имела в нашей культуре большой вес и довольно широкое распространение, а именно — к отношениям «старец/послушник» (или «старец/послушники»). Человек выбирал себе идеального учителя, приходил к нему, брал обет безусловного послушания, старался уподобиться ему и формировал себя как Личность. При этом упор делался на послушание, но большое значение имел также выбор, в котором послушник был совершенно свободен. Удивительно для нас, детей XXI века, который в ранг кумира и высшей ценности возвел понятие «Личность», насколько люди, по-видимому, никогда не употреблявшие этого понятия, не произносившие красивых слов об уникальности, неповторимости, микрокосме и так далее, насколько они более уважительно относились к делу выработки самой Личности. Они отказывались не только от развлечений, но и от насущнейших потребностей, для того чтобы полностью посвятить себя важному делу — стать Личностью, принять Личность как эстафету от достойнейшего и передать ее дальше — следующим поколениям. Они спасали свою душу, но одновременно они выполняли огромную культурную работу: они выбирали и передавали идеалы.

Идеал, по мнению Ч.Х. Кули, это *«гармоничная и созвучная нашему духу реконструкция элементов опыта... Его активная функция — символизировать и определять желательное и тем самым делать его объектом намерений»*¹⁸. Культура представляет собой комплексы идеалов или систему принципов, *«которые должны постоянно стимулировать лучшие чувства человека и обеспечивать схему или строительные леса для внушений, помогая ему организовать свое мышление»*¹⁹. Один человек не может выработать такой системы, никому не под силу такая работа, а потому *«социальный опыт — это проблема контактов представлений, а не физических контактов»* и представление о том, что *«видеть жизнь»* —

---

¹⁸ Cooley C. P. 393.

¹⁹ Cooley C. P. 399.

это значит передвигаться с места на место и делать множество очевидных вещей — это иллюзия, свойственная вялым умам»²⁰.

При этом Личность и ее идеи не только влияют на другие личности, а те оказывают серьезное воздействие на индивидуальное сознание, но и возникает определенное состояние, характеризуемое через понятие соборности: *«Развитие персональных идей посредством взаимодействия предполагает рост силы симпатии и включения в (а также участия в сознании) других людей»²¹*. Вот это «участие в сознании» друг друга и есть интимнейшая сторона и глубочайшая суть группы первичного типа, которая всегда предполагает диффузное общение. Только при глубоком и безусловном доверии, при хорошем знании всех особенностей и сильных сторон «другого», при уверенности в своей ценности для него — только при всех этих, а также многих других условиях возможно естественное и плодотворное общение не только по линии общих дел, не только в сфере чувств и эмоций, не только по поводу тех или иных конкретных идей, но на уровне самой сердцевины сознания, на уровне «я», так что, в конечном счете, мы так проникаемся *«представлениями о мыслях и чувствах других членов данной группы и о группе как целом, что, можно сказать, мы фактически делаем их частью своего "я" и идентифицируемся с ними в своем самоощущении»²²*. И разве не то же самое утверждал отец Павел Флоренский, что в природу любого духовного порыва *«непрерменно входит требование выйти из субъективности, воплотиться во внешнем мире и продлиться возможно дольше»* и если на пути к этой цели *«от желания воздвигнуть молитвенную мельницу не отличается таковое же — построить храм, позолотить купола и так далее включительно до мирских запечатлений в веществе — духа: написания картины, напечатания и размножения поэмы и опубликования научного открытия»*, если во всем этом, *«в самой глубине чистейшего духовного*

---

²⁰ Cooley С. Р. 139 – 140

²¹ Cooley С. Р. 136.

²² Cooley С. Р. 136.

движения содержится импульс к переходу во вне и к возможно прочному закреплению себя в мире»²³, то носитель нашей культуры больше всего склонен закреплять себя в своеобразном материале, а именно — в других людях.

Удвоить, утроить себя — вот задача, достойная решения. Обретая в людском хаосе друга, человек передает другому свою личность со всеми ее качествами, на которых, как мы видели, сосредоточено основное внимание при описании идеалов, которыми следует руководствоваться на пути к праведности. Качества передаются от человека к человеку, Личность формирует Личность, лепится идейный аттрактор — так создается и существует наша культура. И здесь особая роль всегда принадлежала интеллигенции, как особому функциональному органу, организующему стихию межличностных отношений. М.К. Мамардашвили писал: *«Странную (и в общем верную) вещь пишет Н. Зернов (“Религиозное возрождение XX века”), опровергающую его собственную общую концепцию, видящую причину в измене православию: “успех ордена [интеллигенции – А.К.] заключается не в дисциплине, не в логике или последовательности, не в его философии, ни даже в качестве его руководства. Его истинный источник был в родственности интеллигентского поиска Правды (понятной не только рассудком, но и этически) с духом традиционного христианства русского народа. Интеллигенция высвободила религиозную энергию русской нации, собиравшуюся веками под золотыми куполами православных церквей” (с. 42). И под дугой “мира”. Кристаллизация неумения жить сложной общественной жизнью. Язычество versus христианство как техника. И ничего не стоило превратить громадную страну в собранное под цирковым куполом пространство»*²⁴.

---

²³ Флоренский П. Указ. Соч.

²⁴ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996. с. 162.

Когда наши соотечественники говорят: «*Терпение и труд всё перетрут*», — имеется в виду ни много, ни мало, а именно *всё*, все сферы жизни человека, которые, однако же, неравноценны. Сфера, создаваемая и устраиваемая трудом, — это сфера земного, материального благополучия. Но поскольку сама эта сфера не котируется высоко, то и труд, как средство созидания в этой сфере, нигде не ставится, как в протестанско-либеральном сознании, в один ряд со спасением и терпением. И в этом сознание нашего народа полностью единодушно с православной религией, которая в отличие от протестантизма, видящего в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения и созидания его души, отрицает за трудом такое значение. Этого большей частью не понимали наши интеллигенты-мыслители. Им все казалось, что просто «вчерашний крестьянин» еще не привык к новым условиям труда и промышленности или «разбаловался», дезориентирован, или не заинтересован и потому не проявляет особого интереса к труду. Достаточно, следовательно, заинтересовать его, показать, перевоспитать — и он полюбит труд и станет «нормальным» европейским народом. Тогда к нему с полным правом можно будет применить известное клише: «трудолюбивый и талантливый». Трудолюбие есть в нем, и он его проявляет, и таланты есть (они есть в каждом народе), но не это составляет его лицо.

Терпение и страдание — это способ формирования в нашей стране Личности, выработки сильного духом «непадающего» деятеля. В этом своем качестве они признаются всем христианством вообще, во всех его разновидностях, в том числе и нашей культурой, прочно усвоившей христианство. Но для нашей культуры — это только один слой, довольно поздний по времени. А если заглянуть под него, то можно нащупать и более древний слой, в котором терпение и самоограничение являются не только способом завоевания свободы духа, но имеют и более глобальное значение — принципа существования, поддержания гармонии и

установления равновесия в мире. Этот аттрактор, должно быть, один из самых древних способов существования. Французский этнограф и социолог, один из главных представителей структурализма К. Леви-Стросс говорил о подобных обществах, что они «эксплуатируют природную среду так, что это гарантирует скромный уровень жизни и вместе с тем защиту природных ресурсов. Их системы брачных правил имеют в глазах демографов то общее, что они до крайности ограничивают рождаемость и поддерживают ее на постоянном уровне. Их политическая жизнь основана на единодушном согласии и допускает только единодушные решения. Она как бы исключает использование в своих целях различий между властью и оппозицией, между большинством и меньшинством»²⁵. Это — способ существования суровый, но рассчитанный на вечность: при такой системе окружающей, природной и социальной, хватит на всех и очень надолго, практически навсегда. Эти общества не нацелены на развитие, движение в каком-то определенном направлении: они существуют в вечности. И человек, живущий в таком обществе, также привыкает воспринимать себя с точки зрения вечности. А на этом фоне человеческое существование очень кратко и эфемерно.

В контексте современной жизни и культуры, когда мы думаем о краткости и ограниченности человеческого существования, нам становится грустно и страшно. Но это происходит, по-видимому, оттого, что мысль эта непривычна для населения. Обычно мы живем так, как будто нам уготована бесконечная жизнь впереди, наше будущее переполнено целями и планами, многие из которых с точки зрения вечности показались бы мелкими и суетными, но мы относимся к ним серьезно, а о смерти стараемся вовсе не думать, прогоняем от себя эту мысль. Но бывают такие периоды, когда человек вынужден стать лицом к лицу с вечностью. Этой же общей ориентированностью культуры на

---

²⁵ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1980. С. 113 – 114.

вечность объясняется и отсутствие в ней разработанной временной перспективы и вообще временного измерения. Будущее в своих основных чертах должно быть похоже на настоящее, из прошлого же закрепляются в памяти только обобщенные вехи, имеющие значение в вечности, — всё остальное опускается как несущественное.

Мысль всегда направлена на будущее. В этом каждодневная надежда человека на воспроизводство выживаемости, жизнеспособности. Но в этом заключена и серьезная опасность. Мысль может стать проводником утопий, исторической инерции, архаичных мифов, возможно приобретающих псевдонаучные формы «исторической необходимости», что несет угрозу сложному динамическому обществу, несовместимому с архаизацией. Для ее преодоления в современном мире необходим массовый переход к диалогическому разуму. Эта проблема не решается образованием, приобщением к историческому богатству культуры, а требует массовой способности творческого выхода за рамки сложившейся культуры.

В нашей же культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее нацеленности и на будущее. Как подчеркивал М.К. Мамардашвили, *«...Полезно рассматривать историю не как развёртывание, вызревание чего-то, что развивается и превращается в зрелое существо. История есть время в поисках своего смысла. Смысл устанавливается после истории, а не разворачивается во времени»²⁶*. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек в русской культуре не предполагается. Отсюда та характеристика, которую так точно подметил в ней выдающийся русский философ Н.А. Бердяев: апокалипсичность мышления, внеисторичность его. Историчность (которую в данном случае Бердяев отождествляет с культурой вообще, поскольку для него «культура» — только то, что соответствует западноевропейскому представлению о культуре, всё остальное — вне культуры)

---

²⁶ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996. с. 120.

*«предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное»²⁷. Вот этой историчности изначально нет в культурах, ориентированных на вечность. Это и понятно: какая же относительность в вечности — в вечности может оставаться только абсолютное. Отсюда — невероятная трудность и сложность реформации в ареалах таких культур. Они очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же, наконец, происходит сдвиг сознания, и культурные скрепы распадаются вообще, изменение приобретает неконтролируемый, хаотичный, страшно разрушительный характер: апокалипсическое сознание *«устремляется к концу, к пределу»*, минуя всю середину жизненного процесса²⁸.*

Противоречивость менталитета русской культуры формирует стабильное устремление выбиться из пленения дуальных противоречий, одолеть внутренне конфликтное строение «скачком», «рывком», «взрывом» — за счет радикального перехода в новое, совсем даже неподготовленное, внезапное качество. Отсюда — ординарная для русской общественной истории *«катастрофичность»* темпа и ритма национального развития, прерывность исторического процесса, сопровождаемая крутой ломкой социокультурных парадигм, переменой типов цивилизационных устремлений на протяжении кратких отрезков времени²⁹. М.К. Мамардашвили так описал рассуждения участника социополитических волнений: *«Допустим, я участник какого-то социального массового движения, имеющего свою идеологию. Это социальное движение придает основание и оправдание моим сиюминутным актам и мыслям. У него есть какая-то цель – сделать то-то или построить, скажем, справедливое общество. И эта цель бросает свет нравственного оправдания на моё бытие здесь. Если я частица этого движения, этой цели, то тем самым моя жизнь, моё*

---

²⁷ Бердяев Н. Духи русской революции // *Из глубины*. М., 1991. С. 61.

²⁸ Бердяев Н. Там же. С. 62.

²⁹ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

существование имеют основания, а мои действия – моральное оправдание, если выполняется то, что соответствует поставленной цели»³⁰.

Тем не менее, надлежит обратить внимание на принципиально значительное замечание выдающегося отечественного социолога П.А. Сорокина: *«Если сравнивать частоту, интенсивность, долговременность, степень разрушительности и насилия революционных и других важнейших социополитических волнений, то русская нация едва ли будет выглядеть более революционной и "склонной к беспорядкам" в период с XII по XX столетия по сравнению с большинством европейских наций, Древней Грецией, Римом и Византией. Однако, ...эти отличия трудноизмеримы и разнятся от страны к стране в различные исторические периоды; каждая нация бывала "революционной" и "склонной к беспорядкам" в одни периоды своей истории, и в то же время вела себя вполне "спокойно" в другие периоды. Это доказывает лишь то, что широко распространенное мнение об особой "склонности к беспорядкам" и особом "революционизме" русского народа является пропагандистским стереотипом, запущенным в употребление политическими противниками русской нации, царского и советского правительства»³¹.*

В последние десятилетия появился ряд крупных работ, исследующих такого рода «апокалипсические взрывы», сопровождаемые восстаниями и движениями больших масс³². По мнению авторов данных исследований, толчком, развязывающим апокалипсические взрывы, социальный беспорядок, является всегда не желание масс что-то «улучшить» или что-то «устранить», а кризис ориентации, общественный хаос, распад традиционных ценностей и традиционного образа жизни, нарушение «нормального» состояния общества или отклонение от него.

---

³⁰ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996. с. 112 - 113.

³¹ Сорокин П.А. Основные черты... С. 482.

³² Норман К. В поисках тысячелетнего царства: Революционные милленарии и мистические анархисты средних веков. М, 1970; Колаковский Л. Христиане без церкви. М., 1961; Мюльман В. Революционный мессианизм третьего мира. М., 1968.

Следовательно, важнейшая особенность расколотой социокультурной реальности заключается в том, что сложнейшие процессы описываются в неадекватных представлениях, понятиях. Это можно, по крайней мере, отчасти, объяснить тем, что понятийный аппарат, сформировавшийся на Западе, сложился на базе иного опыта, не знающего раскола. Между тем, углубление знаний специфики стран и народов - необходимое условие выявления тождества и различий между цивилизациями и странами. Здесь уместно вспомнить слова отечественного философа Г.П. Федотова, который писал: *«В Европе экономический кризис, - в России безвыходная нищета и голод. В Европе борьба классов, - в России кровавый террор. В Европе покушение на свободу, - в России каторжная тюрьма для всех. В Европе помрачение культуры, - в России систематическое ее истребление»*³³. Конфликт как будто тот же, но в действительности в России он уходит на метафизическую глубину. Речь идет всегда не о том, чтобы чего-то «достигнуть» или ввести, а о том, чтобы восстановить что-то утраченное, нечто естественное как воздух, что всегда было и всегда должно быть, о том, чтобы вернуться, но не к прошлому, предыдущему (в таких категориях не мыслит апокалипсическое сознание), а к норме, к естественной модели своей культуры.

Очень наивна широко распространенная точка зрения, что народ «бунтует», когда он находится в «невыносимых условиях» (под которыми обычно понимаются материальные условия существования). Народ может вынести необычайно много, если в его сознании эти тяготы обоснованы. Причем обоснованием их не обязательно должна быть, например, война, неурожай или другие стихийные бедствия. Народ в те периоды, когда он находится под влиянием нашей древней (и менее древней — православной) культуры, — вообще склонен считать аскетизм и всякое воздержание ценностью, так сказать, основой жизни. Отец Александр

---

³³ Цит. по: *Матвеева С.Я.* Введение // *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта, М., 1991. т.3, с. XXXVI.

Ельчанинов так осмысляет эту точку зрения: *«Почему всякое "наслаждение", "сладость" — грех? Потому что момент наслаждения, есть момент усиления личного самочувствия, и чем острее наслаждение, тем глубже мой разрыв со всеобщей гармонией. От наслаждения — к самолюбию, от самолюбия — к разложению, от разложения — к смерти»*³⁴. Другими словами, мир существует и правильно движется только нашими жертвами, нашим терпением, нашим самоограничением. Интеллигент в России, привыкший всегда уделять много внимания своей собственной, индивидуальной внутренней жизни, приходит к таким состояниям в исключительных обстоятельствах. При этом *«...Особые условия существования интеллектуала есть так же одновременно и условия того, что развиваемое им сознание универсально и представительно-прозрачно (по отношению ко всем другим опытам)»*³⁵. Народ же, крепкий в своей древней культуре, всегда считает тягу к наслаждению, к эйфории чем-то греховным. Поэтому в стереотипы культурного поведения нашего этнического комплекса не входит яркая мажорность, проявления веселости, уверенности в себе. Они все окрашены в более мягкие, сдержанные, пастельные тона. Всестороннее изучение русского характера, менталитета и архетипа позволит лучше понять и оценить эти процессы.

Недостаточное развитие способности творческого выхода за рамки сложившейся культуры усиливает риск для субъекта оказаться неспособным эффективно ответить на вызов российского опыта XX века, главными событиями которого были две национальные катастрофы. Проблема, однако, в том, что духовная элита лишь показывает определенную возможность, вектор решения проблемы, методы их реализации, но конкретизировать, развивать, решать саму проблему могут лишь Личности, самоорганизующиеся под руководством представителей

---

³⁴ Ельчанинов А. Указ. Соч.

³⁵ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М., 1996. с. 159.

интеллекции в малые группы, в общество. Путь к истине труден и долог, освоение результатов прохождения данного пути также нелегко, что раздражает многих тем, что требует выхода за рамки расхожих повседневных представлений. И это можно понять. Но следует осознать и то, что без освоения нарастающего в разных точках интеллектуального богатства страны и народы, всё человечество не смогут справиться с нарастающими опасностями конфликтов, их реальным и потенциальным перерастанием в катастрофу.

Современное гуманитарное сознание постепенно приходит к выводу, что без развития Личности не может быть и развития человечества. Ликвидация прежней конфронтации миров, идеологий, классов, наций создает возможности для нового осознания ценностей, отличных от прежнего расово-религиозно-националистического понимания. Поэтому возникла потребность по-новому взглянуть на развитие цивилизации, человечества и человека. Ведь прежние исторические схемы казались логически непротиворечивыми и убедительными именно потому, что их действие не предполагало участия Человека, Личности, полностью исчезавшего в этом качестве внутри абстрактных классовых, конфессиональных или цивилизационных сил. А поворот к Человеку, признание его во всей сложности развития человеческих потребностей, мотивов, эмоций, духовных исканий центром исследования заставляет гуманитариев обращаться к новым для них понятиям «расплывчатых множеств», «плохо сформулированных задач», «размытых определений» стремиться к установлению более тесных связей между смежными гуманитарными науками.

Согласно представлениям современных обществоведов, политические убеждения, массовое политическое сознание формируются на основе взаимодействия множества разнообразных факторов, оказывающих влияние на обыденное политическое сознание и теоретическое сознание, идеологию. Для анализа идейно-политической

дифференциации интеллигенции после Гражданской войны в России представляется необходимым рассмотрение комплекса факторов, повлиявших на формирование представлений интеллигентов из окружающей действительности, опыта и традиций, на их взгляды, теории и совокупность идей³⁶. При этом важно отметить взаимозависимость, взаимообусловленность данных факторов и известную условность выделения каждого из них, принятого в данной работе.

Внутренний духовный мир человека – это его сознание в самом широком смысле слова. Внешний духовный мир, общий для всех – это культура, созданная всем человечеством. Сущность конкретной, отдельно взятой личности не тождественна абстрактной человеческой сущности, она включает в себя лишь ту часть от всей совокупности общественных отношений, *«в которую включён человек в реальном процессе жизни»*: *«Сущность одного человека поэтому совпадает с сущностью другого*

---

³⁶ Данный анализ ведётся на основе подходов, выработанных в современном обществоведении: Биккенин Н.Б. Социалистическая идеология. М., 1978; Гак Г.М. Учение об общественном сознании в свете теории отражения. М., 1960; Гибиш Г., Форверг М. Введение в марксистскую психологию. М., 1972; Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987; Завьялова М.П., Расторгуев В.Н. Единство и преемственность сознания. Томск, 1988; Иванов В. Идеология: характер и закономерности развития. М., 1977; Келле В.Ж., Ковальзон М.Н. Формы общественного сознания. М., 1961; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977; Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // *Вопросы психологии*. 1989. № 3. с. 11 – 21; Мшвениерадзе В.В. Роль идеологии в жизни общества. М., 1969; Найссер У. Познание и реальность. М., 1981; Носков А.П., Яновский Р.Г. Два уровня сознания и политические убеждения. Новосибирск, 1974; Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966; Расторгуев В.Н. Формирование целостного мировоззрения и методы интерпретации научных концепций: Единство методологического и педагогического аспектов. Калинин, 1984; Он же. Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность. Калинин, 1988; Самсонов Р. Социальная психика и идеология. Ереван, 1970; Сверчкова Л.П. Субъект духовного производства: методологический анализ. Л., 1988; *Социальная психология* / Под общей редакцией Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. М., 1975; *Социология и идеология*. М., 1969; Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л., 1988; Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984; Тугаринов В.П. Философия сознания. М., 1971; Уладов А.К. Структура общественного сознания. М., 1968; Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1966; т. 1 – 2; Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности. М., 1961; и др.

человека и в чём-то не совпадает с ней, так как представляет собой другой ансамбль общественных отношений»³⁷.

Объективно существуя в системе разнообразных общественных отношений, человек включается в них по-разному. Уникальность конкретной личности как раз и проявляется в выборе, селекции тех сфер социального опыта, тех деятельностей, тех отношений, которые личность присваивает, делает своими. Это объясняет нам уникальность каждой отдельной Личности – ведь *«результат уникальной детерминации может быть только уникальным»*³⁸. Вместе с тем было бы ошибкой рассматривать соотношение между всей системой общественных отношений и отдельными личностями как соотношение инварианта и отдельных воплощающих и выражающих его вариантов. Применительно к сущности человека *«речь идет не о таких общественных отношениях, которые существуют объективно где-то вне данного человека и в которых сам он не участвует, а о таких отношениях, которые являются вместе с тем собственными отношениями человека, личности»*³⁹.

Сущностной характеристикой Личности выступает то, что она является Субъектом, способным самостоятельно в своей индивидуальной деятельности реализовывать родовые сущностные силы и способности Человечества. *«Индивид становится личностью, когда достигает самостоятельности в своей деятельности, когда он уже не растворён в той или иной социальной организации, в своей социальной среде»*⁴⁰. Характерно, что социализацию, глубокое индивидуальное преломление общественных отношений, превращение их в своё достояние ряд авторов рассматривает как основную предпосылку индивидуализации Личности, её самоопределения, основным следствием которого является

---

³⁷ Васюков Н.М. К. Маркс и Ф. Энгельс о природе и сущности человека // *Теоретико-методологические проблемы клинической психоневрологии*. Л., 1975. с. 12.

³⁸ Allport C.W. *Personality: A psychological integration*. N.Y., 1937. p. 297.

³⁹ Леонтьев А.Н. некоторые психологические вопросы воздействия на личность // *Проблемы научного коммунизма*. М., 1968. Вып. 2. с. 31.

⁴⁰ Абишев К. Человек. Индивид. Личность. Алма-Ата, 1978. с. 85.

избирательность отношения к миру, неповторимость осмысления Личностью действительности, которое *«тем самобытнее и уникальнее, чем больше и полнее впитала личность социальный опыт»*⁴¹. Личность *«...не врождена, но возникает в результате культурного развития, поэтому “личность” есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения»*⁴².

Рост самосознания и интереса к самим себе обозначил смысловое ядро и импульс напряжённых интеллектуальных процессов, резко усилившихся в последние десятилетия XX века⁴³. Закладывались основы культуры нового столетия с главным принципом диалога культур, включая понимание культур прошлого как диалога по-разному актуализированных в современности их смыслов, менялся социокультурный контекст, питающий научное познание и специфику его отдельных сфер⁴⁴. Перед сообществом историков встала проблема самопознания, которая прежде была преимущественно предметом рассуждений философов и методологов исторической науки⁴⁵. Эта проблема должна была актуализироваться и для каждого исследователя, который уже не мог избежать «обращения к себе». Это означает в первую очередь пересмотр теоретических и методологических оснований своей деятельности в определённом проблемном поле. Главным на пути к подлинной свободе научного творчества становилось напряжённое *«вдумывание... в эпистемологические основания своего исследования,*

---

⁴¹ Тульчинский Г.Л. Нормативно-ценностная природа осмысления действительности: Автореф. Дис. ... докт. Филос. Наук. Л., 1987. с. 19; См. также: Раппопорт С.Х. Искусство и эмоции. М., 1972. с. 58; Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество. М., 1984. с. 34, 55.

⁴² Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. Соч. т. 3. М., 1983. с. 315.

⁴³ Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М. – СПб., 2000. с. 94.

⁴⁴ Библер В.С. Культура XX века и диалог культур // Библер В.С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. М., 1997. с. 233 – 243.

⁴⁵ Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. М., 1999. с. 251.

творчески и критически осваивая при этом достижения гуманитарного знания своего времени»⁴⁶.

При этом исследователи истории интеллигенции всё яснее осознают, что при изучении исторических сюжетов мы оказываемся перед проблемой изучения Объекта, сравнимого с Исследователем по совершенству. Исследователь подходит к изучению такого Объекта в наивной убежденности, что мудрость Исследователя превосходит сложность Объекта. Однако на деле даже простейшее восприятие фактов оказывается обусловленным готовностью увидеть подтверждение уже сформировавшимся у нас гипотезам. За последние два десятилетия интеллигенция исследовалась чаще всего не как Объект, а как Предмет изучения. Понятия Объект и Предмет исследования не тождественны, хотя и выражают диалектическое единство объективной и субъективной сторон познания. *«В логическом значении Объект шире Предмета. Объект – это область действительности, на которую направлена деятельность ученого, а Предмет – это определенное звено в этом Объекте, требующее специфического подхода к исследуемому явлению»⁴⁷.* Историки интеллигенции сегодня ощущают еще и специфические сложности, связанные с тем, что, пытаясь созерцать свой Объект исследования со стороны, они не перестают между тем быть частью данного Объекта, на личном опыте их сказываются эволюционные процессы, происходящие в интеллигенции (используя метафору известного современного психолога В.П. Зинченко⁴⁸, интеллигенция – это постоянно самореконструирующийся в полете самолет). И современный историк интеллигенции не может не слышать обращенных к нему вопросов всей интеллигенции, для которой сегодня жизненно важно

---

⁴⁶ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // *Одиссей. Человек в истории*. 1996. М., 1996. с. 5.

⁴⁷ Иванов В.В. *Методология исторической науки*. М., 1985. с. 25-26.

⁴⁸ Зинченко В.П. *Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое Знание*. – Самара, 1998. с. 242 – 248.

уяснить уроки своего прошлого, осознать свое место в обществе и увидеть перспективы общественного развития и оценить свою роль в нем.

«Хождение по мукам» интеллигенции после Октябрьской революции хорошо нам известно из художественной литературы, дневников и мемуаров. Значительную работу по изучению пореволюционной интеллигенции проделали и историки⁴⁹. В 1970-х – 1980-х годах рос поток литературы по истории отечественной интеллигенции, однако многие ведущие историки отмечали слабую разработанность, как целого ряда исторических сюжетов, так и всей истории интеллигенции России XX века в целом⁵⁰.

Одним из самых запутанных в отечественной историографии является вопрос о судьбе интеллигенции в 1920-е – 1930-е годы. Если о судьбе российской интеллигенции накануне и в период Октябрьской революции, в ходе Гражданской войны в России написано немало интересных и глубоких исторических работ⁵¹, то интеллигенции 1920-х годов посвящена лишь вышедшая около 30 лет назад монография С.А. Федюкина⁵². Интеллигенция 1920-х годов пыталась на шкале толерантности найти ту точку, которая могла бы привести к общественному согласию, к гражданскому миру. К сожалению, данные предложения, позволяющие сделать радикальный прорыв в сторону толерантности, были решительно отвергнуты большевистским руководством, в то время осуществлявшим выбор из нескольких (бухаринского, троцкистского, сталинского и других) вариантов развития командно-административной системы, каждый из которых неизбежно

---

⁴⁹ *Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: Справочно-библиографический указатель.* / Сост. О.Ю. Олейник. Иваново, 2000.

⁵⁰ В комплексной программе исследований по истории Октябрьской революции Академии наук тема «Интеллигенция и революция» значилась среди первоочередных. См.: *Россия 1917 г.: Выбор исторического пути.* М., 1989. с. 283.

⁵¹ См.: *Федюкин С.А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Он же. *Партия и интеллигенция.* М., 1983; *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции. М., 1980; *Соскин В.Л.* Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; *Интеллигенция и революция: XX век.* М., 1985; *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.). Л., 1988; и др.

⁵² *Федюкин С.А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977.

должен был привести к казарменному социализму, волюнтаризму в идеологии и диктатуре бюрократической элиты. Идеи, близкие к тем, что во второй половине XX века получили обозначение, как теория конвергенции, не были восприняты в обществе, производящим стремительный дрейф от авторитаризма к тоталитаризму, что пагубно сказалось на всех слоях населения, но особенно трагичной оказалась судьба отечественной интеллигенции. Именно в ней «диктатура пролетариата» усмотрела серьёзную опасность для складывающегося сталинизма.

Подробно останавливаясь на различных сюжетах истории российской интеллигенции до начала 1920-х гг., советские историки, дойдя до этой границы, по-разному спешили оборвать нить повествования, предлагая читателю выводы и оценки большевистских документов о «переходе дореволюционной интеллигенции на позиции социализма» и о создании «новой социалистической интеллигенции». Так, В.М. Селунская утверждала, что к концу восстановительного периода Коммунистическая партия добилась значительных изменений в настроениях большинства «старой» интеллигенции⁵³. В коллективной монографии «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры: 1917 – 1927 гг.» читаем: *«К середине 1920-х годов удалось обеспечить профессиональное сотрудничество старой интеллигенции с рабочим классом и крестьянством. За редким исключением, она в силу ряда причин (материальный фактор, демократические и патриотические традиции, политика партии и государства в отношении интеллигенции и т.д.) участвовала в хозяйственной и культурной жизни страны. Старая интеллигенция плодотворно работала на государство пролетарской диктатуры. Но этим фактом проблема интеллигенции была ещё далеко не решена. Мало*

---

⁵³ Селунская В.М. Социальная структура советского общества: История и современность. М., 1987. с. 161.

привлечь интеллигента к конкретному делу, получить в его лице полезного сотрудника. Необходимо было изменить его мировоззрение, принципы и идеалы, перевоспитать в духе марксистско-ленинской идеологии»⁵⁴.

Подобные суждения высказывает и В.П. Полев: *«Поворот интеллигенции в сторону социализма был закреплен и углублен в 1924 – 1927 гг., когда её сотрудничество с рабочим классом уже не ограничивалось только сферой производственных интересов, а приобрело характер активного политического союза. Основная масса интеллигенции одобряла и поддерживала практическую деятельность Коммунистической партии, хотя еще не пришла к признанию её идеологии»⁵⁵.* В.Н. Ветер также считал, что *«в 1927 году наблюдается переход широких слоёв трудовой интеллигенции к активной поддержке Советской власти и социалистическому строительству»⁵⁶.* Советские историки писали и о том, что, начиная с середины 1920-х годов, *«было обеспечено активное профессиональное сотрудничество старых специалистов» с Советской властью⁵⁷,* и о том, что к этому времени интеллигенция *«окончательно перешла на позиции социализма»⁵⁸.*

При оценке идейно-политических процессов в отдельных профессиональных отрядах интеллигенции наблюдался определенный разброс мнений. Так, С.К. Чернецкая писала: *«...Уже в 1924 г. среди преобладающего большинства старых научно-педагогических кадров намечился решительный сдвиг в сторону сближения с Советской*

---

⁵⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры: 1917 – 1927. М., 1985. с. 238.

⁵⁵ Полев В.П. Эволюция позиций старой интеллигенции Урала в первое десятилетие Советской власти // Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР. М., 1979. т. 1. с. 128.

⁵⁶ Ветер В.Н. В.И. Ленин о формировании новой производственно-технической интеллигенции // Ученые записки кафедр общественных наук Таганрогского государственного педагогического института. 1960. Вып. 1. с. 137.

⁵⁷ Великая Октябрьская... с. 210.

⁵⁸ Веселов Г.В. Ленинские методы в работе Коммунистической партии и Советского государства с кадрами дореволюционной интеллигенции в начале 20-х годов // Ученые записки Горьковского университета. Горький, 1972. Вып. 171. с. 129.

властью»⁵⁹. Многие советские исследователи истории отечественного учительства считали, что идейный переход старой педагогической интеллигенции на позиции социализма завершился в 1925 году⁶⁰. С ними не соглашался В.Р. Веселов: *«Подобные утверждения нам представляются спорными. Применительно к 1920-м годам речь может идти, прежде всего, о профессиональном сотрудничестве большинства буржуазных специалистов с Советской властью, начальном этапе перехода старого учительства на позиции социализма, а не о его завершении»*⁶¹. По мнению других исследователей, *«можно сказать, что в конце первого десятилетия Советской власти подавляющее большинство учительства активно включилось в строительство советской культуры»*⁶².

Словосочетания *«изменение настроений»*, *«вступление на путь социализма»*, *«привлечение к социалистическому строительству»*, *«окончательный переход на позиции социализма»*, *«активная поддержка Советской власти»*, *«приобретение характера активного политического союза»*, *«решительный сдвиг в сторону сближения с пролетариатом»* и подобные им позволяют говорить о многом, так как не имели общепринятого терминологического толкования. Наверное, поэтому и хронологические рамки рассматриваемых в советской историографии процессов были различны. Так, М.Е. Добрускин утверждал: *«...Основная масса интеллигенции в 20-х и отчасти в 30-х годах встала на пути*

---

⁵⁹ Чернецкая С.К. В.И. Ленин об идейно-политическом воспитании научно-педагогической интеллигенции в условиях строительства социалистического общества // *Философия и научный коммунизм*. Минск, 1976. Вып. 3. с. 118.

⁶⁰ Беляева А.И. КПСС и учительство. Дисс. ...докт. Ист. Наук. М., 1974; Данилова А.К. Место и роль учительства в общественно-политической жизни социалистического общества. Дисс. ...канд. Философии наук. М., 1971, с. 22; Королев Ф.Ф. В.И. Ленин и педагогика. М., 1971, с. 258 – 259; Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин Э.И. Очерки по истории советской школы и педагогики (1921 – 1931 гг.). М., 1961. с. 202 – 203; и др.

⁶¹ Веселов В.Р. К историографии деятельности Коммунистической партии по формированию советского учительства в 1917 – 1937 гг. // *Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР*. М., 1979. т. 2. с. 138.

⁶² Великая Октябрьская... с. 236.

лояльного сотрудничества, а затем и союза с рабочим классом»⁶³. В.Р. Веселов считал, что в годы первой пятилетки лишь меняется существенным образом «картина политической дифференциации» в среде интеллигенции⁶⁴.

Часто при оценке привлечения (поворота, вступления, перехода, включения) интеллигенции в социалистическое строительство смешиваются понятия деятельности и настроений, убеждений. Так, В.Н. Шейко считает, что к концу восстановительного периода произошла трансформация политических убеждений интеллигенции⁶⁵. В.В. Гербач полагает, что только в период социалистической реконструкции «в психологии и политических настроениях старой интеллигенции произошли качественные изменения»⁶⁶. Были мнения, что значительные изменения в положении дореволюционной интеллигенции и её мировоззрении произошли только к концу первого десятилетия Советской власти⁶⁷. Н.П. Стародубцева же уверена в том, что в среде интеллигенции во второй половине 1920-х годов наблюдаются неустойчивость и колебания, так как «основная нейтральная масса интеллигенции занимала двойственную позицию»⁶⁸. Иначе полагает О.Л. Вайнштейн: «Борьба за интеллигенцию означала, в сущности, идейное перевоспитание интеллигенции, на что ушло 10 – 15 лет»⁶⁹. А вот мнение В.С. Волкова и В.П. Алексеева: «Превращение буржуазной интеллигенции в

---

⁶³ Добрускин М.Е. Об участии непролетарской интеллигенции в строительстве социализма // *Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм*. М., 1974. № 6. с. 52.

⁶⁴ Веселов В.Р. К историографии... с. 139.

⁶⁵ Шейко В.Н. Из истории идейно-политического перевоспитания старого учительства УССР (1921 – 1925 гг.) // *Вопросы истории СССР*. Вып. 25. Республиканский межвузовский научный сборник. Харьков, 1980. с. 57.

⁶⁶ Гербач В.В. К вопросу о привлечении инженерно-технической интеллигенции к социалистическому строительству // *Труды Северо-западного заочного политехнического института. Из истории борьбы за социализм*. Л., 1971. № 13. с. 30.

⁶⁷ Великая Октябрьская... с. 241.

⁶⁸ Стародубцева Н.П. К вопросу об изменениях социальной психологии сельской интеллигенции в первые годы социалистической реконструкции деревни (1928 – 1932 гг.) // *Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР*. М., 1979. т. 2. с. 68.

⁶⁹ Вайнштейн О.Л. Становление советской исторической науки (20-е гг.) // *Вопросы истории*. 1966. № 7. с. 33.

социалистическую выразилось в её активной производственной и общественно-политической деятельности, в идейном переходе на позиции социализма, утверждении у большинства её представителей марксистско-ленинского мировоззрения и социалистической морали. Этот процесс в основном завершился во 2-й половине 30-х годов»⁷⁰. При этом под «привлечением интеллигенции к социалистическому строительству» поздней советской историографии было принято считать именно её переход на «идейные позиции социализма»⁷¹.

Общепринятой в советской историографии являлась точка зрения, что в результате перевоспитания «старых» и подготовки «новых» специалистов к концу 1920-х – началу 1930-х годов, была создана «социалистическая, рабоче-крестьянская интеллигенция». М.Е. Добрускин считал, что «это интеллигенция нового типа, социалистическая по своим признакам – по социальному назначению, по источникам формирования, по социально-экономической и идейно-политической сущности и роли в обществе, по методам и стилю деятельности, по характеру отношений с общественными классами, правящей партией и государством»⁷². Не отрицая самого факта образования единой социалистической интеллигенции, некоторые историки спорили лишь о сроках. Так, Р.А. Шипилова утверждала, что «окончательный идейный переход старой интеллигенции на позиции Советской власти относится к середине 30-х годов, когда складывается однородная социальная группа – социалистическая интеллигенция, и исчезает понятие “старая” или “буржуазная” интеллигенция»⁷³. С.П. Стадухин полагал, что в деле

---

⁷⁰ Волков В.С., Алексеев В.П. В.И. Ленин и формирование социалистической интеллигенции в СССР. Л., 1969. с. 8.

⁷¹ Советская интеллигенция: Словарь-справочник. М., 1987. с. 25.

⁷² Добрускин М.Е. Общее и особенное в формировании социалистической интеллигенции // Методологические проблемы исследования места интеллигенции в социальной структуре развитого социализма. Материалы к Всесоюзной научно-теоретической конференции. М., 1979. с. 1.

⁷³ Шипилова Р.А. Некоторые проблемы партийного руководства формированием художественной интеллигенции в первое десятилетие Советской власти // Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР. М., 1979. т. 1. с. 70.

превращения старой интеллигенции в новую, социалистическую заметный сдвиг произошёл в середине 1920-х годов, а полностью завершился этот процесс в середине 1930-х годов⁷⁴. Подобные выводы предлагаются обычно без какого-либо обоснования фактами, в качестве доказательств берутся высказывания партийно-государственных деятелей. Так, тот же С.П. Стадухин в своих выводах руководствовался утверждением, сделанным в 1977 г. Л.И. Брежневым: *«За время жизни одного поколения Советская страна полностью и навсегда избавилась от тяжкого ярма безграмотности. Трудящиеся стали активными участниками культурной жизни, творцами духовных ценностей. Из глубин народа вышла новая, социалистическая интеллигенция, которая прославил Родину выдающимися достижениями науки и техники, литературы и искусства»*⁷⁵. А Ф.И. Заузолков уточнял: *«Труднейшая задача создания социалистической интеллигенции была решена Коммунистической партией в невиданно быстрый исторический срок – к концу второй пятилетки. Создание в нашей стране советской интеллигенции совпало с построением социалистического общества»*⁷⁶.

Необходимо помнить, что подобные выводы делались историками, практически вынужденными пользоваться усечённым, неполным комплексом источников по обсуждаемым вопросам в условиях диктата Коммунистической партии. Если положения о вовлечении интеллигенции в социалистическое строительство можно как-то подтвердить определёнными статистическими данными, то источников, в которых документировались бы переход интеллигентов к марксистскому мировоззрению и перестройка их сознания, у нас нет. Некоторый свет на эти процессы может пролить обращение к документам, относящимся к концу 1920-х годов, до последнего времени недоступным исследователям.

---

⁷⁴ Стадухин С.П. О некоторых основных особенностях развития социалистической интеллигенции // *Методологические проблемы...* с. 77.

⁷⁵ Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978. т. 6. с. 580.

⁷⁶ Заузолков Ф.Н. Марксизм-ленинизм о социалистической интеллигенции // *Ученые записки. Труды кафедры марксизма-ленинизма МГУ*. Вып. 173. М., 1955. с. 210.

При этом важно попытаться выйти за рамки представлений, сложившихся у историков в обстановке диктата партийных установок и отсутствия достаточно объективной информации, чтобы увидеть проблемы, сама постановка которых в обществоведении была ранее невозможна. Например, важно проследить, на чём основывалась убеждённость партийный и советских деятелей, а за ними и обществоведов в создании в СССР новой однородной социалистической интеллигенции к концу 1920-х годов. Было ли это реальным явлением или желаемое выдавалось за действительное? Означало ли формирование этой «рабоче-крестьянской интеллигенции» полное завершение идейно-политической дифференциации российской интеллигенции и переход всех интеллигентов на единые мировоззренческие позиции? Возможна ли вообще идеологическая однородность в интеллигенции с ее широким диапазоном возрастных, профессиональных, образовательных и прочих характеристик? Как влияло соотношение «старой перевоспитанной» и «новой рабоче-крестьянской» частей на позиции советской интеллигенции, которая провозглашалась с конца 1920-х годов однородно социалистической?

Во многом противоречия в советской историографии определялись подходом к истории только как к борьбе классов. В результате данного подхода интеллигенция рассматривалась как социальная прослойка, на которую воздействуют различные классовые силы. Поэтому и было принято исследовать историю интеллигенции по документам Коммунистической партии, советских организаций и большевистских лидеров. Это предопределяло во многом использование при изучении интеллигенции сознательно усечённого и деформированного комплекса источников, так как логически непротиворечивая концепция, основанная на доктрине, может существовать только в условиях изоляции от любых новых фактов, не вмещающихся в неё. Сама тематика работ вплоть до последнего времени настраивала на изучении интеллигенции не как

субъекта, а как объекта истории. Многочисленные труды «о борьбе за интеллигенцию», «о перевоспитании интеллигенции» и тому подобным темам не давали возможности объективно рассмотреть сложные и противоречивые процессы, происходящие в самой интеллигенции в 1920-е годы.

Конкретное преломление данного подхода при изучении истории российской интеллигенции в 1920-е годы выразилось в том, что последовательно проводилась доктринёрская установка на деление общества на пролетариат и его врагов. Отсюда возникало непонимание компромисса между Советской властью и дореволюционной интеллигенцией в условиях провозглашения «новой экономической политики» после окончания Гражданской войны в России. Начальный этап изменений в подходах к профессиональному изучению теории и истории интеллигенции – рубеж 1970-х – 1980-х годов характеризуется общепринятой тогда мононаучной парадигмой изучения истории советской культуры и интеллигенции. До середины 1980-х годов происходит накопление эмпирического материала, появляются первые обобщающие труды. Их методологическая опора – историко-социологический и историко-статистический подходы, составившие социальную модель. Это показывает зарождение междисциплинарных опытов внутри советской историографии. В отечественной историографии стал возможен плюралистический подход к данной проблеме, позволяющий видеть не только борьбу классов, но и роль личности в истории. Вновь обществоведы подчеркивали важность изучения конкретных взглядов отдельного человека, его индивидуального сознания. Первые оценки оформившейся на этой основе проблемной историографии интеллигенции и дальнейшие перспективы были определены на Всесоюзной научной конференции (Новосибирск, 1979 год) и в специальном историографическом труде Л.М. Зак⁷⁷.

---

⁷⁷ Зак Л.М. История изучения советской культуры в СССР. М., 1981.

С середины 1980-х годов начинается новый этап научных изысканий, который отразил реакцию историков интеллигенции на начавшиеся теоретико-методологические дискуссии по общим вопросам научного познания и поиску новых способов изучения сложных социальных объектов. Это важная полоса в развитии историографии отечественной культуры и интеллигенции. Поворот к внедрению системных принципов в проблемную историографию интеллигенции был новым шагом на пути к междисциплинарным исследованиям, предпринятым в рамках мононаучной парадигмы. Со второй половины 1980-х годов существенным звеном отечественного научного контекста, в котором происходили трансформации проблемной историографии интеллигенции, стали культурологические исследования. В это время в советской историографии интеллигенции завершилось подведение итогов предшествующей исследовательской практики, начали складываться новые подходы, обобщенные в итоговой работе метра российского изучения истории интеллигенции М.Е. Главацкого⁷⁸.

Проблема «интеллигенция и власть» в 1990-е годы являлась приоритетной. Однако главными стали те её составляющие, которые прежде вообще не рассматривались (политика социальной дискриминации и социальной типологии интеллигенции, поставленные и успешно решаемые сотрудниками сектора истории культуры Института истории СО РАН во главе с С.А. Красильниковым⁷⁹). В статьях и книгах В.Л. Соскина в 1990-х годах ведущий сибирский культуролог предлагает новое видение истории советской культуры и российской интеллигенции, отстаивает важность сохранения социальной истории культуры, в том

---

⁷⁸ *Главацкий М.Е.* Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987.

⁷⁹ См.: *Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920 – 1930 гг.)*: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1994; *Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 – конец 1930-х гг.)*: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1995; *Власть и интеллигенция. 1919 – 1925*: Сборник документов. Новосибирск, 1996; *Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926 – 1932*: Сборник документов. Новосибирск, 1999; *Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «великого перелома»*. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2000; и др.

числе истории советской культуры как её органической части⁸⁰. В.Л. Соскиным было высказано мнение, что наметился перелом методологического свойства и необходима более длительная полоса для «созревания» монографий, по-новому освещающих историю интеллигенции. Тогда же появился первый специальный сборник статей, посвященный актуальным проблемам историографии интеллигенции⁸¹. Его авторы оценили интенсивный поиск новых подходов как признак процесса становления новой самостоятельной отрасли научного знания – «интеллигентоведения» - изучение истории и теории изучения интеллигенции.

Проведение в последние 10-летия исследования соотнесения понятий «интеллигенция» – «духовная элита», уточнение хронологических рамок создания предынтеллигенции, интеллигенции и высказывание позиции по вопросу о «ликвидации», «гибели», «уничтожении» интеллигенции, перерождения её в «образованщину» (А.И. Солженицын) позволили на основе подходов В.П. Зинченко рассматривать интеллигенцию как функциональный орган любого общества, как самореконструирующуюся социальную систему⁸². Во многом это продолжает догадку историков 1970-х – 1980-х годов о том, что интеллигенция не может быть нетворческой. Постоянное развитие, самосовершенствование, творческие поиски выделяют интеллигенцию из других социальных групп. Отказ от творчества и саморазвития приводит к потере интеллигентом своего основополагающего признака при наличии

---

⁸⁰ См.: *Соскин В.Л.* Революция и культура (1917 – 1920 гг.). Историко-теоретический аспект. Новосибирск, 1994; *Он же.* Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996; *Он же.* Переход к нэпу и культура (1921 –1923 гг.). Новосибирск, 1997; *Он же.* Общее образование в Советской России: первое десятилетие. Ч. 1. 1917 – 1923 гг. Новосибирск, 1998; *Он же.* Общее образование в Советской России: первое десятилетие. ч. 2. 1923 1927 гг. Новосибирск, 1999.

⁸¹ *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции.* Межвузовский сборник научных трудов/ Ответственный редактор В.С. Меметов. Иваново, 1996.

⁸² *Зинченко В.П.* Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть 1. Живое Знание. – Самара, 1998. с. 242 – 248.

высшего или среднего специального образования, при постоянном занятии нефизическим трудом.

Современная ситуация в исторической науке характеризуется переходными тенденциями. Отказ от старых догматических схем, введение новых документальных материалов в исторический оборот, применение новых (в том числе, математических) методов еще не позволили совершить решительный исследовательский прорыв. Но уже сейчас понятно, что произошедшие изменения и поиски современных парадигм исследования требуют синтетического соотнесения ранее отщепленных друг от друга подходов, превращения истории в подлинно гуманитарную науку, где живут и действуют живые люди с их нравами и характерами, а не какие-то безликие классы, социальные группы, элиты и страты. Большое будущее принадлежит исторической психологии, занимающейся изучением *«психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей»*⁸³. Без государственного диктата, но при общественной поддержке современная стадия изучения российской истории может превратить историю в живую науку, где мыслят и действуют реальные люди со своими потребностями и интересами. И это живое знание по истории России не только обязано разрушить старые догматические схемы, но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки.

Однако для этого казалось необходимым «переоснастить» профессиональный инструментарий историков интеллигенции. «Переоборудование» означало присадку исследовательского инструментария историка из арсенала смежных областей научного знания. Оно предполагает востребование «забытых» методологических и

---

⁸³ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. С. 15.

методических наработок, а также опыта советской историографии. По-прежнему доминируют сложившиеся в отечественной историографии представления об интеллигенции с двух точек зрения. Сторонники социо-исторического подхода определяют интеллигенцию как социальную группу (или прослойку между классами), состоящую из лиц, имеющих, как правило, высшее или среднее специальное образование и занимающихся, как правило, нефизическим трудом. Сторонники философско-культурологического подхода считают, что уровень образования и умственный труд не могут быть критериями для отнесения к интеллигенции. По их мнению, главной характеристикой истинного интеллигента являются высокие морально-этические качества. При этом оба подхода изучают интеллигенцию только как Предмет, а не Объект исследования. Используя классическую фразу американского исследователя Р.Л. Грегори «Мы не только верим тому, что видим, но и до некоторой степени и видим то, во что верим»⁸⁴, можно констатировать: интеллигенцию как Объект еще предстоит исследовать.

Эти поиски «своего канонического определения» интеллигенции/интеллектуалов продолжаются не только в российском обществоведении, но и за рубежом, ибо правильно определить понятие – это означает почти разгадать его природу. Польский социолог Ян Шепанский выявил более 60 различных определений и интерпретаций терминов интеллигенция/интеллектуалы⁸⁵. Им же выделено три категории определений данного термина: Во-первых, по роли критических интеллектуалов и творческой интеллигенции в создании и защите высших и неизменных ценностей правды, красоты, добра и справедливости. Во-вторых, по роли в популяризации идей, создании мифов и идеологий, а также критикующих общественный порядок. В-третьих, как особого социального слоя, играющего решающую роль в развитии культуры на

---

⁸⁴ Грегори Р.Л. Разумный глаз. М., 1972. с. 110.

⁸⁵ Szczepanski J. Inteligencja a spoleczenstwo. Warszawa, 1957. Szczepanski J. Intellectuals in Contemporary Societies. Stanford, 1961.

основе определяющих признаков – высшего или среднего специального образования и нефизическому характеру труда. Сам Ян Шепанский попытался дать всеобъемлющее определение интеллигенции/интеллектуалам, чтобы включить в него различные группы: *«Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности; учёных, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ»*⁸⁶.

При этом, на мой взгляд, получилось не всеобъемлющее определение, а скорее перечисление в самом общем виде сфер преломления интеллектуального труда. Возможно, остается более верным и точным определение Л.П. Сверчковой интеллигенции как специфического субъекта духовного производства, социальная природа которого зависит от роли в общественной организации труда⁸⁷. Именно это дает нам основание утверждать, что *«в процессе развития любая социальная группа создаёт собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы»*⁸⁸. Эта функция интеллигенции как социальной группы обеспечивает связанность и гомогенность общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создаёт единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. То

---

⁸⁶ *Szczepanski J.* Die Intelligenz in der gegenwärtigen Gesellschaft. Frankfurt/M., 1966, s. 236.

⁸⁷ *Сверчкова Л.П.* Субъект духовного производства: методологический анализ. Л., 1988. С. 65.

⁸⁸ *Квакин А.В.* Современные проблемы изучения истории интеллигенции // *Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов.* Иваново, 1995. с. 8.

есть интеллигенцией является слой людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей⁸⁹.

В соответствии с логикой саморазвития научного познания, вызревания и обособления его отдельных направлений поиски содержания ключевых дефиниций являются обязательной процедурой. Применительно к исследованию интеллигенции это усложняется в связи со своеобразием и эволюцией той части социума, чьи признаки и историю данное научное направление пытается определить. Симптоматично, что некоторые современные исследователи предлагают для преодоления кризиса обратиться к достижениям теоретиков фундаментальных негуманитарных наук и, в частности, руководствоваться знаменитым принципом дополнительности Нильса Бора⁹⁰. Предлагается определять существование размытой терминологии как характерную черту для эпох крупных культурных сдвигов, а попытки её уточнения как индикатор состояния культурного пространства, в котором происходит восприятие новой реальности и формируется новое знание о логике исследовательского процесса⁹¹. Тем самым вопрос о термине «интеллигенция» встраивается в общий процесс познавательных «поворотов». Проблема становится принципиальной для саморефлексии современных исследователей. Она отражает степень напряженности современного интеллектуального пространства и изменения качества коммуникационных связей между сообществами исследователей интеллигенции и внутри каждого из сообществ.

---

⁸⁹ См.: Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 334 – 336.

⁹⁰ Сибиряков И.В. Интеллигентоведение на рубеже XXI века: неизбежный кризис и пути преодоления // *Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы*. Тезисы докладов X международной научно-теоретической конференции. Иваново, 1999. с. 112 – 113.

⁹¹ Медушевская О.М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания*. Доклады и тезисы XIV научной конференции. М., 2002. с. 25.

Но в чем смысл творческой деятельности интеллигенции? Для чего существует интеллигенция как функциональный орган любого общества? Как самореконструирующаяся социальная система? Исследователь, убежденный, что описывает выбранный Объект, видит лишь фрагмент его, далеко не всегда самый значимый, и не подозревает о том, что Объект во всей его сложности и целостности ускользает от его исследовательского внимания. Так сам побудительный мотив творчества интеллигенции остается во многом неразгаданным. Фактор выживания ли заставляет интеллигента заниматься сервиллизмом перед властью? Может быть, генетически приобретенный императив угодничества, конформизм движет интеллектуалами? Но какие пассионарные флюиды заставляют интеллигентов бросать безумный вызов прикармливающей её власти?

В этой связи можно попробовать по-новому оценить роль и место интеллигенции в жизни человеческого сообщества, ибо назначение интеллекта – создавать порядок из хаоса на основе приведения в соответствие индивидуальных потребностей с объективными требованиями реальности. На историков, занимающихся изучением феномена интеллигенции, ложится большая ответственность в донесении до массового сознания современного объективно-научного знания о значении этого социального слоя в истории цивилизации. Одним из наиболее продуктивных современных подходов в изучении истории интеллигенции может стать синергетика и рассмотрение данного социального явления через понятие хаоса. Сторонники синергетики обращают наше внимание на то, что Объектом изучения должны стать сложные системы, особенно находящиеся в отношении неустойчивого неравновесия со средой (к последним относятся и социальные организмы). Таким образом, в сферу внимания попадают нелинейные эффекты эволюции систем любого типа, кризисы и бифуркации – неустойчивые

фазы существования, предполагающие множественность сценариев дальнейшего развития⁹².

В центре синергетики (как науки, как мировоззрения) стоит понятие фрактала. Это понятие является общенаучным и означает неустойчивое, переходное, быстро переходящее состояние эволюционирующего объекта, состояние промежуточное – между одним устойчивым состоянием и другим. Другое понятие - аттрактора (от лат. *attraho* – притягивающий к себе), фигурирующее в исследовании Нобелевского лауреата И.Р. Пригожина, используется им для описания эволюции диссипативных систем; к таким, например, относится движение реального маятника, включающее трение. В отличие от идеального маятника (без трения), движение которого бесконечно, реальный – постепенно останавливается в положении равновесия: это положение и является аттрактором. Такая ситуация приводит к необходимости обобщения идеи аттрактора: он более не точка, а линия. В других случаях, пытаясь построить геометрическое изображение аттрактора, можно получить поверхность или объем. Полной неожиданностью стало открытие так называемых *странных аттракторов*. В отличие от линии или поверхности, странные аттракторы характеризуются не целыми, а дробными размерностями. Они являются *фрактальными объектами*⁹³. Открытие фрактальных объектов позволило по-новому взглянуть на удивительный мир форм, существующих в природе. Большинство из них не являются правильными геометрическими объектами, но могут быть охарактеризованы дробными размерностями.

Мы можем отнести сюда и социальное поведение людей, где огромную роль играют установки (*attitudes*) , характеризующие общий

---

⁹² См.: Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1991; Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 1985; Митина О.В., Петренко В.Ф. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5; Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М., 1995; Jantsch E. The Self-Organizing Universe. N.Y., 1980.

⁹³ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. Перевод с английского. М., 1999. с. 77 – 78.

стиль мышления. Р. Айзер предлагает свой взгляд на исследование социальных установок как многомерных и сложных образований, постоянно подвергающихся изменениям во времени. Он считает естественным описывать их как нелинейные пространства, поверхность которых представляет собой фрактальные очертания⁹⁴. Семантическая теория К. Харди использует идею аттрактора при описании функционирования семантических констелляций (от лат. constellation – созвездие): последние организуют сходный предшествующий опыт. Значительные расхождения в контексте и параметрах этого опыта могут вызвать модификацию аттрактора и привести к бифуркации. Взаимодействие конвергентных и дивергентных сил такого рода обеспечивает гибкость соответствующих процессов, их способность к развитию. Например, при создании новых значений семантическая констелляция может разбиться на две суб-констелляции, содержащие конфликтные, антагонистические установки (или типы поведения) по отношению к одному и тому же опыту. Такое поведение констелляций обеспечивает психику способностью к выбору и адаптации⁹⁵. Нетрудно представить, что при таком подходе границы семантических констелляций причудливо изрезаны, фрактальны, создавая, тем самым, «живой» пейзаж ментальной структуры человека.

Таким образом, в глобальном смысле основные элементы теории хаоса открывают возможности поиска если не универсального, то, по крайней мере, объединяющего принципа устройства мироздания на всех уровнях. В том числе, на мой взгляд, синергетика позволяет с современной научной точки зрения рассмотреть природу генезиса и эволюции такого сложного явления общественно-социальной жизни, как интеллигенция. Уже многие десятилетия ведутся научные и околонучные дискуссии не только о природе данного явления, но даже о «каноническом

---

⁹⁴ *Eiser J. Richard. Attitudes, chaos and connectionist mind. – Cambridge, 1994. – p. 252.*

⁹⁵ *Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport – London, 1998. p. 6.*

определении» интеллигенции/интеллектуалов. Вышло немало работ философов, культурологов и историков, где предпринимаются попытки подвести итоги всех предыдущих научных изысканий и предложить нечто своё⁹⁶.

Большой поклонник учения о синергетике, академик Н.Н. Моисеев был склонен рассматривать историю как стихийный процесс самоорганизации системы (в данном случае человеческого сообщества или же отдельных его сегментов), без какого бы то ни было целеполагания и целенаправляющего начала⁹⁷. Правда, он при этом отмечал, что уповать только на стихийный механизм самоорганизации не приходится, и в критические периоды решающую роль должен сыграть коллективный разум человечества. Подобно целому ряду исследователей, бывших долгие годы марксистами, в 1990-е годы Н.Н. Моисеев выступал против основополагающего тезиса исторического материализма *«бытие определяет сознание»*, утверждая, что, напротив, *«очень часто именно сознание определяет бытие, и активность человека, и его способность принимать судьбоносные решения»*⁹⁸. Н.Н. Моисеев считал, что смысла истории не существует вообще, как нет внутреннего смысла у любого природного процесса, и в этом его главное отличие от большинства других представителей российской философско-исторической мысли, для которых было характерно непоколебимое убеждение в глубинном, трансцендентном, божественном ли, космическом ли, замысле человеческой истории. В то же время Н.Н. Моисеев считал, что в общественных процессах просматривается некая универсальная логика, присущая механизмам самоорганизации жизни в целом: система сама отбраковывает те элементы, которые препятствуют сохранению её стабильности. Он переносил на развитие общества общую схему любой

---

⁹⁶ См., напр.: *Возилев В.В., Назаров Ю.Н.* Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории. – Иваново, 2002.

⁹⁷ *Моисеев Н.Н.* Размышления о современной политологии. М., 1999, с. 36.

⁹⁸ *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М., 2001. с. 112.

динамической системы: какое-то время эволюция идет по «дарвиновскому принципу» (медленное накопление новых особенностей), затем наступает потеря устойчивости, нарушение условий коэволюции системы и окружающей среды, за которым следует переход в новый канал эволюции. В такие периоды бифуркаций ослабевает роль памяти системы, и поэтому постбифуркационное состояние практически непредсказуемо⁹⁹.

К концепции синергетического развития общества обращаются в настоящее время и другие российские ученые. Так, известный политолог А.С. Панарин, также возлагающий надежды на механизмы самоорганизации, считает, что реализация этой модели будет связана с переходом *«энергии и информации из вертикальных каналов управленческой коммуникации в горизонтальные, соответственно принципу самодеятельности»*¹⁰⁰. Если принять точку зрения, что интеллигенция является разработчиком идеологических связей в неустойчивых системах, то, скорее всего, она выступает в роли функционального органа, который переводит общественный фрактал, т.е. неустойчивое, переходное, быстро переходящее состояние эволюционирующегося общества, состояние промежуточное – между одним устойчивым состоянием и другим, в состояние аттрактора, то есть постепенно останавливающееся в положении равновесия. Такой подход позволяет нам рассмотреть интеллигенцию не только как Предмет изучения, но и как Объект.

Любое общество находится в постоянной динамике, что приводит к его периодическим кризисам. Используя метафору о «маятнике Ахиезера» можно предположить, что взаимопереходы от «авторитарности» к «соборности», от конфронтации к толерантности в обществе во много связаны с попытками интеллигенции привести общество в состояние аттрактора. В этом состоянии наблюдается стремление значительной

---

⁹⁹ Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001. с. 146.

¹⁰⁰ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000, с. 329.

части общества сдвигать свои ценности, цели и действия в сторону продвинутого диалога, готовность Личности к толерантности. Категория толерантности характеризует не конъюнктурное утилитарное поведение человека, Личности, а содержание его исторически сложившейся нравственности, выстраданное предшествующими поколениями. Динамика толерантности определяется не внешними силами (действиями лидеров, политических партий, руководителей государства) или случайно изменяющимися обстоятельствами, а уровнем осознания Личностью себя как реального субъекта. Воспитание и самовоспитание Личности в человеке задача достаточно трудная и порой мучительная. *«Быть субъектом трудно: не иногда и кое с кем, а всегда и во всем. И поистине быть субъектом – значит жить трудностями, проблемами, Вселенной, значит непрестанно и неутолимо жаждать их и никогда не насыщаться. Это значит любить сами трудности. Легче же – подменить свое субъективное бытие беспроблемным, инертным псевдо-непротиворечивым, уступая себя своего рода энтропии души и духа...»¹⁰¹*. А это требует значительных усилий не только отдельного человека, но и тех, кто вырабатывает идеологические связи в обществе, т.е. интеллигенции.

Логика научного познания, современная ситуация в российской интеллектуальной мысли и состояние исторической науки определяют настоятельную потребность в расширении исследовательских практик и инструментария изучения сложных социокультурных феноменов, дополнения существующих «отраслевых» исследовательских подходов междисциплинарными моделями. Включение термина «культурное пространство» в наш инструментарий вызвано особой значимостью категории пространства для культуры XX века. Ядром междисциплинарной модели данного исследования становится культурно-

---

¹⁰¹ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997, с. 257.

деятельностный подход, получивший наибольшее одобрение в дискуссиях исследователей интеллигенции в 1990-е годы.

Проявлением данного подхода в изучении истории вузовской интеллигенции России 1918 – 1930-х годов явилось осознание этого времени как момента выбора пути развития страны. Хронологические рамки данной работы – пореволюционные годы несколько условны. Это определяется нашими представлениями о таком специфическом признаке истории России и её регионов в XX веке как наличие «переломных эпох» и «чрезвычайных полос», когда существенную роль играл фактор экстремальности. Поэтому нижняя граница связана с началом преобразований Советской власти в экстремальных условиях начала Гражданской войны в России (1918 год), верхняя – с «великим переломом» (1930-е годы). Локализация по хронологии – «пореволюционные годы» оправдана значением этого периода в истории России в качестве «экстремальной полосы» и своеобразного пространства поисков интеллигенцией форм своего эвентуального участия в начатых Советской властью социокультурных преобразованиях, сопровождавшихся обострённым напряжением интеллектуальной деятельности. В условиях возможного гражданского мира и провозглашенного нэповского компромисса интеллигенция предложила правящей большевистской элите в качестве аттрактора эволюционно-демократический путь, означавший демократизацию общества, усиление гуманистических начал, подъём культуры и занятие интеллигенцией подобающего места в обществе.

Источниковая база данной работы в соответствии со спецификой предмета исследования и с учетом подходов современных источниковедов (Н.В. Ефременков, А.К. Соколов, О.М. Медушевская и другие¹⁰²) состоит

---

¹⁰² *Ефременков Н.В.* Основы научного исследования и методы самостоятельной работы студента-историка. Калинин, 1987; *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Источники российской истории. М.,

из нескольких блоков большого комплекса источников. За последнее десятилетие произошли существенные изменения в составе комплекса источников по истории российской интеллигенции XX века путем отбрасывания одних (их условно можно назвать советско-коммунистическими) и введения в исторический оборот других, из антибольшевистского лагеря. В действительности во всех частях общего комплекса документов по истории интеллигенции России в прошлом веке содержится важная информация, которую необходимо расшифровать. По мнению М. Блока, *«тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать... Всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда в начале – пытливый дух. Ни в одной науке пассивное наблюдение никогда не было плодотворным. Если допустить, что оно вообще возможно»*¹⁰³. Отбрасывая часть источников из советско-коммунистического лагеря, мы искусственно разрываем нить диалога, субъективно отсеивая огромную часть участников исторического процесса. По словам Ю.М. Лотмана: *«В истории знать какие-либо факты и понимать их – вещи совершенно разные. События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными»*¹⁰⁴. Отбрасывая еще недавно документы антисоветского, антибольшевистского партийно-политического лагеря, мы не могли продвинуться по пути честного и объективного анализа. Сегодня мы оказываемся в подобной же ситуации, отбрасывая документы советско-коммунистического партийно-политического лагеря. Понимание побуждений и мотивов действий интеллигенции из этого лагеря

1998; Соколов А.К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // *Мир историка. XX век*. М., 2002. с. 279 – 344.

¹⁰³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973, с. 38.

¹⁰⁴ Лотман Ю.М. Указ. соч., с.13.

способствовало бы осознанию места и роли интеллигенции в российском обществе. Деление не только исторических персонажей, но и исторических документов на «свои» и «чужие», на «хорошие» и «плохие», на «правильные» и «неправильные» не может приблизить к объективному пониманию нашего прошлого.

Основной блок комплекса составили документы из фондов центральных и местных архивохранилищ. Здесь доминируют материалы делопроизводства: протоколы, отчёты, доклады, записки, анкеты, временная учетная документация. Обнаружены уникальные материалы, дающие основу для исследований по интеллектуальной истории. Эту информацию дополняют сведения из опубликованных сборников документов. Отсутствие единообразия в делопроизводстве первых послереволюционных лет, фрагментарность сохранившихся сведений, неудовлетворительное физическое состояние документов создают большие трудности для обобщения информации о деятельности ряда профессиональных отрядов интеллигенции.

Отдельный блок комплекса источников составила информация, обнаруженная в периодической печати при фронтальном просмотре с момента их выхода и вплоть до 1930-х годов. В соответствии с исследовательским замыслом в российских и зарубежных библиотеках просмотрены газеты и журналы 1918 - 1930-х годов. Некоторые издания к настоящему времени стали библиографической редкостью. Выявлен ряд литературных текстов и иллюстраций, который позволил определить особенности участия интеллигенции в формировании «социалистического государства».

Третий блок этого комплекса – это труды представителей интеллигенции, написанные и опубликованные в 1920-е - 1930-е годы. Содержание текстов, ставших библиографической редкостью (к некоторым из них доступ ограничен), раскрывает особенности откликов интеллигенции на вызовы «Времени и Места», передаёт напряжённость

интеллектуальных поисков интеллигенции в условиях той переломной эпохи. Обращение к ним позволяет осуществить интеллектуальный диалог между интеллигенцией 1920-х – 1930-х годов и современными исследователями.

Из исторических трудов и художественных произведений мы знаем, что после 1917 года в жизни многих представителей интеллигенции России произошли многочисленные изломы. Историки и писатели уже неоднократно показывали «хождение по мукам» хорошо известных и мало известных интеллигентов. При этом *«характерно, – по словам Ю.М. Лотмана то, – что только обращение к некоторым литературным образцам позволяет нам в ряде случаев расшифровать загадочные, с иной точки зрения, поступки людей той эпохи»*¹⁰⁵. Современная стадия изучения истории российской интеллигенции характерна появлением живой истории, подлинно гуманитарной науки, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание по истории интеллигенции России XX века не только обязано разрушить старые догматические схемы борьбы белого и красного партийно-политических лагерей за массы, не только ответить на традиционные вопросы «Что делать?», «Кто виноват?», но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки – *«постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать»*¹⁰⁶, с тем, чтобы ответить на более важные вопросы «Зачем?» и «Почему?».

Безусловно, ужасы войны, разруха, голод, террор, ограничение демократических прав и свобод серьёзно повлияли на все слои

---

¹⁰⁵ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994, с. 344 – 345.

¹⁰⁶ Февр Л. Бои за историю. М., 1991, с. 19.

российского общества, отразились в обыденном сознании и рабочих, и крестьян, и интеллигенции. Однако процессы, происходившие в сознании интеллигенции, в большей мере представлены документами. Особенностью интеллигенции является стремление к анализу происходящего как в окружающей действительности, так и во внутреннем мире человека. Совершенно естественно, что именно документы личного происхождения являются наиболее представительной частью общего комплекса источников для изучения скрытых от прямого наблюдения процессов восприятия, оценки, осмысления происходящего и формирования на этой основе нового идейно-политического сознания интеллигенции, различных идейно-политических процессов, происходивших в российской интеллигенции 1920-х – 1930-х годов.

В 1920-е – 1930-е годы в жизни россиян переплелись многие сложные явления. Сегодня мы пытаемся дать им оценку, но, к сожалению, не всегда наша новая оценка событий прошлого основана на глубоком анализе. Это совершенно естественно, так как данная оценка базируется обычно на двух моментах: представлениях историков, сложившихся на основе анализа далеко не полного, а иногда и преднамеренно деформированного комплекса источников по проблеме, уже оформленных в непротиворечивую и целостную теорию, с одной стороны, и множества новых, иногда разрозненных, иногда излишне субъективных достоверных и не вполне достоверных ярких фактов, которые не укладываются в принятые построения, входят с ними в противоречие, взламывая логичность и целостность, с другой. Мы не должны отказываться ни от новых фактов, ни от уже имеющихся достижений исторической науки, но соединение этих частей, плохо согласующихся и отторгающих одна другую, возможно лишь при выработке новой теории, достигающей более высокого уровня обобщения, чем та, в которую не укладываются новые факты. Построение такой новой теории – процесс долгий, часто болезненный, часто требующий отказа от некоторых ставших

привычными представлений и учета всех фактов в совокупности без каких-либо изъятий.

Комплекс источников, доступных исследователям в настоящее время в нашей стране и за рубежом, стремительно растёт, тем не менее, мы пока не можем сказать, что знаем всё об идейно-политических процессах в среде российской интеллигенции 1920-х – 1930-х годов. Так, потребовалось специальное обращение Фонда Культуры в Прокуратуру страны для ознакомления специалистов с делом поэта Н.С. Гумилёва, осуждённого на расстрел за участие в заговоре профессора Петроградского университета В.Н. Таганцева. Современный исследователь С. Лукницкий, изучивший все документы по этому делу, не обнаружил в нем никаких доказательств участия Гумилёва в заговоре, а также усомнился в существовании самого заговора¹⁰⁷. Действительно, существует еще масса документов и материалов, недоступных пока широким массам исследователей, и мы сейчас лишь в начале пути изучения этой сложной проблемы.

Можно согласиться с современным исследователем М.О. Чудаковой, заметившей, что состояние отечественных интеллигентов того времени *«сегодня нуждается уже в специальной реконструкции, причём свидетельства современников далеко не всегда могут здесь помочь – нужен острый аналитический взгляд, которым обладали немногие из них»*¹⁰⁸. Далеко не всегда мы можем полностью доверять и воспоминаниям, написанным значительно позже, в 1950-е – 1970-е годы, когда процессы, происходившие в 1920-е – 1930-е годы, виделись через призму последовавших событий и их оценки. Необходимо также отметить, что порой воспоминания издавались не по желанию автора, а по принуждению лиц, от которых зависел мемуарист. Например, 16 ноября 1921 г. было принято «Предварительное заключение совещания т.т.

---

¹⁰⁷ Лукницкий С. Дорога к Гумилеву // *Московские новости*. 1989. № 4.

¹⁰⁸ Чудакова М.О. Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в литературном процессе 20 – 30-х годов // *Новый мир*. 1988. № 9. с. 257.

Троцкого и Уншлихта по вопросу о дальнейшем поведении по отношению к Слащёву и его группе», где в пункте б определялось: «...*Главная работа группы Слащёва должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией. Ввиду того, что мемуары эти обещают дать ценный политический, военный и бытовой материал, предоставить, в случае надобности, в распоряжение группы Слащёва надёжных стенографов, которые облегчили бы работу, и назначить для редактирования и вообще для руководства этой работы товарища литератора... Указать Слащёву и другим на большую политическую важность мемуаров*»¹⁰⁹. Можно не сомневаться, что «надёжные стенографы» и руководивший работой «товарищ литератор» оказали влияние на достоверность данных воспоминаний.

Тем не менее, тщательный анализ достаточно большого числа даже подобных субъективных свидетельств участников исторических событий 1920-х – 1930-х годов в нашей стране при сопоставлении с множеством других объективных наблюдений дает возможность в конечном итоге увидеть реальные процессы, происходившие в сознании интеллигенции и по-разному отразившиеся в личном опыте конкретных людей того времени.

Мой собственный опыт и рассуждения коллег-историков подсказывают, что основополагающим методологическим принципом исторического научного мышления и исследования для историка и сегодня является историзм, призванный способствовать восстановлению картины прошлого для настоящего. Он требует изучения каждого явления в его развитии с позиций исторического детерминизма, предполагает *«реконструкцию исторического прошлого в условиях существующего мировоззрения и уровня развития общественного сознания и*

---

¹⁰⁹ The Trotsky papers: 1917 – 1922. В. II. L.; P., 1964. p. 618.

идеологии»¹¹⁰, иными словами «умение понять и ощутить теперь, как это выглядело тогда»¹¹¹. В процессе анализа предмета исследования авторы использовали следующие методы научного познания: *Сравнение*, которое позволяет выявить общее и особенное в развитии явления, а также проследить его изменения на протяжении рассматриваемого периода. *Абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному* необходимые для определения категориального аппарата исследования, а также для осмысления сущностных черт и свойств в конкретно-исторических условиях. *Анализ и синтез*, позволяющие выявить природу исследуемых явлений и причинно-следственные связи, обуславливавшие их развитие. Историк-профессионал руководствуется принципами *объективности, комплексности, всесторонности изучения* явлений общественной жизни и использует общепринятые методы источниковедческого анализа (выявление, отбор, критика происхождения и содержания источника). На указанной теоретико-методологической основе создаются условия для самостоятельных выводов, обобщений, рекомендаций. В том числе и о дефинициях относительно общественного поведения интеллигенции. Современному исследователю Ю.А. Шрейдеру я обязан идеей о необходимости даже в строгих рассуждениях сознательно отказаться от ненужного ригоризма и о пользе размышлений в терминах «размытых понятий» даже применительно к вполне строгим вещам. Только тогда становятся возможны интеллектуальные инновации и свободный совместный поиск¹¹². Поэтому попробуем «войти в положение» интеллигенции того времени, «влезть в шкуру» «внутреннего коллаборанта», сотрудничающего с «предателями Родины – большевиками». Российская интеллигенция того времени ни в коем случае

---

110 Шмаков В.С. Структура исторического знания и картина мира. Новосибирск. 1990. С. 20.

111 Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда. Иваново. 1996. С. 135.

¹¹² Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971. с. 252.

не была сторонним наблюдателем, пассивным участником и невинной жертвой жестокого социального катаклизма. Российской интеллигенции отводилась достаточно сложная и многофункциональная роль в условиях кровавого социального хаоса в России.

Можно утверждать, что для объективного соотнесения места и роли интеллигенции в обществе в период революционного хаоса требуется многогранная триангуляция данного слоя в хаосе общественных процессов. Таким образом, в сферу внимания попадают нелинейные эффекты эволюции систем любого типа, кризисы и бифуркации – неустойчивые фазы существования, предполагающие множественность сценариев дальнейшего развития. Исследователь, убежденный, что описывает выбранный Объект, видит лишь фрагмент его, далеко не всегда самый значимый, и не подозревает о том, что Объект во всей его сложности и целостности ускользает от его исследовательского внимания.

Мне бы очень хотелось, чтобы в работе были представлены не только мои субъективные суждения, накопившиеся за четверть века изучения судьбы интеллигенции России. Настоятельно пытался избежать прямого или косвенного насилия над читателем, предлагая ему уже готовые выводы и специально отфильтрованные выдержки из документов в соответствии с авторской концепцией. Было бы идеально, если бы читатель сам делал выводы из тех документов, которые судьба предоставила в моё распоряжение за десятилетия научных изысканий, как в отечественных, так и в зарубежных архивах и библиотеках. Большинство документов вводится в научный оборот впервые или было опубликовано давно и частично в малотиражных изданиях, хотя сегодня видно, что все они вместе взятые, словно маленькие винтики в гигантском часовом механизме позволяют нам точно определить бег времени. Должен признаться, что почти физически ощущал давление документов во время их изучения, порой почитай, что наяву говорил с авторами и героями документов из далёких, но достаточно близких 1920-х – 1930-х годов. При

составлении данного спецкурса автор исходил из того, что это исследование продолжает и дополняет вышедшие ранее работы, где подробно рассматривались не только чисто исторические, но и теоретико-методологические, источниковедческие и историографические аспекты темы¹¹³.

И для меня, как для современного историка, вжившегося в образ интеллигенции 1920-х – 1930-х годов, является важным способствовать диалогу современной интеллигенции с российской интеллигенцией того времени. Разобраться в людях 1920-х – 1930-х годов, их делах и поступках чрезвычайно трудно, ибо чаще всего мы знаем лишь фрагменты их мучительных поисков. А потому, сколько радости приносит неожиданное сопереживание, обнаруженное в документах 1920-х – 1930-х годов, со своими собственными современными волнениями и тревогами. В этом сопереживании поколений интеллигенции России я вижу цель и смысл данного спецкурса.

ПЛАН

1. Почему сегодня важно изучать историю российской интеллигенции.....4 часа
2. Исторический фон генезиса интеллигенции в российском государстве.....4 часа
3. Социальное происхождение интеллигенции в России.....4 часа
4. Место интеллигенции в политической жизни Российского государства.....4 часа
5. Интеллигенция и критика существующей государственной системы.....4 часа

---

¹¹³ Квакин А.В. Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: Теоретико-методологические, источниковедческие, историографические аспекты. Саратов, 1989; *Он же*. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921 – 1927 гг. Саратов, 1991; *Он же*. Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны. Тверь, 1992; *Он же*. Российская интеллигенция и «первая волна» эмиграции. Тверь, 1994.

6.	Интеллигенция, Российское государство и революции.....	4 часа
7.	Современное Российское государство и роль интеллигенции.....	8 часа
	ИТОГО.....	32 часа

ЛИТЕРАТУРА ПО СПЕЦКУРСУ

- Аврус А.И. История российских университетов. Курс лекций. Саратов. 1998.
- Автухов И.Г. Огородников И.Т. Хаит И.А. Организация и методика работы в высшей школе. М. 1934.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х тт. М. 1971.
- Афанасьев А.Л. Полынь в чужих краях. М. 1987.
- Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924). Л. 1978.
- Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М. Пг. 1923.
- Белое дело. Дон и Добровольческая армия. М. 1992.
- Бейлин А.С. Кадры специалистов в СССР, их формирование и рост. М. 1935.
- Белозеров С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Р.на Д. 1959.
- Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917-1930-е годы. Учебное пособие. Уфа. 1998.
- Булгаков В. Университет и университетская наука. М. 1912.
- Быт и молодежь. Сборник статей. Изд.2. М. 1926.
- Вардин И. Революция и меньшевизм. М.Л. 1925.
- Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М. 1992.
- Воблый К.Г. Заокеанская эмиграция, ее причины и следствие. Варшава. 1904.
- Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма. Л. 1975.
- Воронков М. Из жизни дореволюционного студенчества. М. 1947.
- Всемиров В.В. Российское студенчество в первое десятилетие пролетарской диктатуры (1917-1929 годы). Саратов. 1994.

- Высшая школа РСФСР и новое студенчество. Сборник статей. Пг. 1923.
- Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М. 1958.
- Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. Сборник статей. М. 1979.
- Главацкий М.Е. Из истории основания Уральского университета им. Горького. Вып.29. Свердловск. 1958.
- Он же. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. 1926-1937. Свердловск. 1974.
- Голинков А. Крушение антисоветского подполья в СССР. 1917-1925. М. 1975.
- Григорьев А. Классовое воспитание молодежи в наши дни. Заметки. М.Л. 1928.
- Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. 1899-1907. М. 1971.
- Ермаков В.Т. Исторический опыт культурной революции в СССР. М. 1968.
- Жаба С. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж. б.г.
- Загорский Н. Классовая борьба в сибирских вузах. Новосибирск. 1929.
- Зими́на В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград. 1997.
- Зак Л.М. История изучения советской культуры. М.1981.
- Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX- начале XX вв. М. 1991.
- Он же. Студенчество России конца XIX–начала XX века. Социально-историческая судьба. М. 1999.
- Иванов П. Студенты в Москве. М. 1918.
- Иверов И. Московский сельскохозяйственный институт за шесть лет (1908-1914 гг.). М. 1914.
- Измозик В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918-1928 годах. Санкт-Петербург. 1995.
- История вузов России. Материалы шестой Всероссийской заочной научной конференции. Санкт-Петербург. 1997.

- Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX-XX вв. Сборник статей. М. 1997.
- Каблуков Н.А. Квартирный вопрос в Москве. М. 1908.
- Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920. М. 1983.
- Катунцева Н.М. Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян М. 1977.
- Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период НЭПа. 1921-1927. Саратов. 1991.
- Он же. Российская интеллигенция и «первая волна» эмиграции. Часть 1. Учебно-методическое пособие для преподавателей истории. Тверь. 1994.
- Клюкин В.И. Коммуны будущей творцы. Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. Киров. 1971.
- Козлов В. Истлентьев Н. Комсомол и кадры. М. 1931.
- Комсомольский быт. М.Л. 1927.
- Комин В.В. Червякова М.М. История российской революционной эмиграции. Калинин. 1985.
- Косцова Л.В. Основные проблемы и закономерности динамики студенческого состава вузов Сибири в 1920-1930 годах. М. 1979.
- Кондрашева М.И. Коммунистическая партия – организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917-1927 годах. Иркутск. 1985.
- Костиков В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М. 1990.
- Кожевников Т.Л. Проклятый вопрос. СПб. 1911.
- Краткий обзор истории и современного состояния Высших женских курсов в Киеве. Киев. 1913.
- Крестный путь Русской армии генерала Врангеля. «Рыбинское подворье». 1996.
- Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. 1917-1925 гг. Л. 1984.
- Курчевский Б.О. О русской эмиграции в Америку. Либава. 1914.
- Ласс Д.И. Современное студенчество. Быт, половая жизнь. М. 1928.
- Лебина Н.Б. Шкаровский Л.В. Проституция в Петербурге. М. 1994.
- Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи. М. 1980.

- Ленинградский университет. История Ленинградского университета. Л. 1969.
- Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М. 1997.
- Он же. Русская эмиграция в Югославии. М. 1996.
- Мельгунов С. Из истории студенческих обществ в русских университетах М. 1904.
- Он же. Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете. М. 1908.
- Миронов Б.Н. История в цифрах. Л. 1991.
- Международная научная конференция «Гражданская война и культура». 19-20 марта 1996. Москва. 1996.
- Мещеряков Н.Л. На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. М. 1922.
- Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь. 1992. Т.1.
- Никифоров Н.И. Очерк истории возникновения Х.С.М.Л. Христианский Союз Молодых Людей. Б.М. 1926.
- Никольский Д.П. Где живет и чем питается русское студенчество. СПб. 1911.
- Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. Л. 1931.
- Олейник О.Ю., Меметов В.С. Интеллигенция, эмиграция, Отечество: Проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20-30-х годов XX века. Иваново. 1997.
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сборник статей. М. 1980.
- Олесич Н.Я. В.И. Ленини революционное студенчество России. М. 1982.
- Отчет о деятельности Харьковских высших женских курсов, учрежденных обществом взаимодействия трудящихся женщин за 1913 г. Харьков. 1914.
- Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. Л. 1969.
- Очерки истории Московской организации ВЛКСМ. М. 1976.
- Очерк пятидесятилетней деятельности С-Петербургской консерватории. Пг. 1914.
- Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой русской революции. М. 1989.

- Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики. (1921-1927). Тверь 1996.
- Против упадничества, против есенинщины. М. 1926.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М. 1992.
- Прокофьев М.А. Проблемы демократизации высшей школы в Советском Союзе. М. 1958.
- Роговин И.И. Политическая борьба за молодежь России. 1903-1917 гг. М. 1989.
- Родин Е.П. Душевное состояние современной учащейся молодежи по данным общестуденческой переписи. СПб. 1913.
- Российское Зарубежье: История и современность. Коллективная монография. М. 1998.
- Российское Зарубежье: Итоги и перспективы изучения: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997. М. 1997.
- Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново. 20-21 сентября. 1995. Т.1.2. Иваново. 1995.
- Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 19-20 марта 1996. Санкт-Петербург. 1996.
- Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20- годов: гражданские беженцы, армия, учебные заведения. Учебное пособие. М. 1994.
- Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб. 1902.
- Русская эмиграция во Франции (Вторая половина XIX – середина XX в.): Тезисы республиканской научной конференции. РПГУ им. А.И. Герцена 20-21 апреля 1995 г. Санкт-Петербург. 1995.
- Русская эмиграция во Франции (1850-1950-е гг.): Сборник научных статей. Санкт-Петербург. 1995.
- Руднев-Разин И. Комсомол в изображении русских белогвардейцев. М. 1926.
- Рутыч Н. Белогвардейский справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России.

- (Материалы к истории Белого движения). М. 1997.
- Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство советской высшей школы. М. 1977.
- Славный путь Ленинского комсомола. М. 1974.
- Слушательницы С-Петербургских женских (Бестужевских) курсов на втором году войны. Бюджет. Жилищные условия. Питание. По данным переписи (анкета), выполненной статистическим семинарием в конце 1915 г. Пг. 1916.
- Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб. 1999.
- Смолянский Г. Мирная эмиграция и иммиграция. М. 1926.
- Соницева Н.Е. На чужом берегу: К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период. М. 1991.
- Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М. 1968.
- Он же. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М. 1987.
- Серapiroнова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20-30-е годы). М. 1995.
- Советская историография. М. 1996.
- Соколов В.И. Молодежное движение в России: история, современность, перспективы и проблемы. Часть 1. Рязань. 1992. Часть 2. Рязань. 1993. Часть 3. Рязань. 1994.
- Он же. История молодежного движения России (ССС) второй половины XIX-XX века. Очерки. Часть 1. М. 1996. Часть 2. М. 1997.
- Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики. 1921-1923 гг. Новосибирск. 1971.
- Строка в биографии. Секретари Центрального Комитета комсомола 1918-1920 гг.: персоналии. М. 1990.
- Стецура Ю.А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-х и 30-х годов. Екатеринбург-Пермь. 1995.
- Стефан Д. Русский фашизм: Фарс и трагедия в эмиграции. 1925-1945. М. 1992.
- Студенческое движение в России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва. 1-4 февраля 1995 года. М.

- 1995.
- Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России. 1820-1910. Либава. 1911.
- Трущенко Н.В. Партийное руководство комсомолом. 1918-1920 гг. Источниковедение и историография. Горький. 1970.
- Туткин Н. Борьба за кадры культурной революции. Комсомол и высшая школа. М.Л. 1929.
- Украинцев В.Б. КПСС-организатор революционного преобразования высшей школы. М. 1963.
- Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова. Исторический очерк. 1920-1970 гг. Свердловск. 1970.
- Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М. 1985.
- Филиппов Ю.Д. Эмиграция. СПб. 1906.
- Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М. 1983.
- Формет Б. Очерки по истории студенчества в России. СПб. 1912.
- Цель студенческих христианских кружков в России. Пг. 1916.
- Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. 1917-1938 гг. Уфа. 1973.
- Чертков В. Русское студенчество в освободительном движении. М. 1907.
- Членов М.А. Половая перепись Московского студенчества и ее общественное значение. М. 1909.
- Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920-1937 гг. Свердловск. 1970.
- Котов С. О быте молодежи. Пенза. 1926.
- Шохор М.С. Реформа высшей школы. Интегральная система. Б.м. 1923.
- Шохоль К.Р. Высшее женское образование в России. СПб. 1910.
- Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М. 1976.